

21 $\frac{316}{349}$

Шкафъ 22^a

Полка 9

№ 25

БИБЛИОТЕКА
НОВО-МИХАЙЛОВСКАГО ДВОРЦА.

У 316
349

1781

ШУТОЧНЫЯ СЦЕНЫ

316

349

Н. А. ЛЕЙКИНА.

Николай Александрович

ПРИВЫКАТЬ НАДО!!!... — МЕДАЛЬ. — НА СЛУЧАЙ НЕСОСТОЯ-
ТЕЛЬНОСТИ. — ИМЕНИНЫ ВЪ УГЛАХЪ. — ПОРТРЕТЪ.

ЦѢНА 1 РУБ. 25 КОП.

6315-0

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

2007084410

ПРИВЫКАТЬ НАДО!!!!...

ШУТОЧНЫЯ СЦЕНЫ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Данило Ивановичъ Брыкаловъ, молодой купчикъ, торгующій краснымъ товаромъ, 24 лѣтъ.

Агаша, его сестра, 20 лѣтъ.

Викуловна, старая нянька Брыкаловыхъ.

Акимъ Саватъичъ Саватьевъ, купецъ, торгующій военными вещами, сосѣдъ Брыкалова по лавкѣ, вдовецъ, 50 лѣтъ.

Дергачевъ, отставной барабанщикъ, живущій въ домѣ Брыкалова.

Николай Никаноровъ. } Прикащики Брыкалова, молодые
Василій Свистковъ. } парни.

Анисъка, лавочный мальчикъ Брыкалова.

Лавочные прикащики.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ Ямской, въ собственномъ домѣ Брыкалова.

Театръ представляет гостиную въ домѣ Брыкалова. Одна дверь въ серединѣ, дверь на право и окно на право. Старая краснаго дерева мебель. У средней двери виситъ большой колоколъ, какой обыкновенно вѣшаютъ на гауптвахтахъ и стоитъ барабанъ въ козлахъ; по стульямъ у стѣны разложены: кирасирскія латы, сабля и мѣдная каска. У двери на право виситъ прикрѣпленный къ стѣнѣ красный флагъ. При поднятіи занавѣса, Агаша сидитъ на диванѣ у стола и что-то шьетъ, около нея на стулѣ помѣщается Викуловна и гадаетъ на картахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АГАША И ВИКУЛОВНА.

ВИКУЛОВНА *(раскладывая карты)*.

И мать, какъ тебя марьяжными-то картами завалило! На право марьяжъ, на лѣво марьяжъ. Куда ни взглянешь—вездѣ марьяжъ. А вотъ и самъ женишокъ, миленькій дружокъ, спѣшить по долгой дороженькѣ.

АГАША.

Да и какъ же не спѣшить-то, няня? Уѣхалъ въ свое мѣсто на двѣ недѣли, только попросить у своей матери благословенія на женитьбу, а пробылъ больше двухъ мѣсяцевъ. Пишетъ, что дѣла задержали. Раздѣлъ тамъ у нихъ какой-то послѣ смерти дяди: дѣлать домъ и землю. Конечно, деньги достанутся не

Богъ вѣсть какія, а все же деньги. Ты сама знаешь: у него вѣдь ни кругомъ, ни около.

ВИКУЛОВНА.

Вотъ это-то и жалко, Агашенька, это-то и обидно. Кабы этому человѣку капиталы да лавку съ товаромъ до верху, такъ былъ бы онъ женишокъ хоть для первостатейной купчихи. И не пьющій, и не буянъ, и дѣвушекъ не обижаетъ.

АГАША.

Ну, что няня! Николай Никанорычъ старательный, самъ наживетъ капиталъ. За мной пять тысячъ. Отдамъ ему ихъ, — вотъ на нихъ онъ и откроетъ лавку и будетъ торговать. Что-жъ, что не богатъ? За то я его знаю съ малыхъ лѣтъ. У покойника папеньки онъ пять лѣтъ прикащикомъ выжилъ, да вотъ у братца два года живетъ. А ужъ какъ онъ меня любитъ, няня, и какъ это все хорошо въ письмѣ изображаетъ, такъ просто чудо! Хочешь прочту письмо?

ВИКУЛОВНА.

Читай, читай! Самой то, видно, тебѣ цидулку-то эту прочитать хочется?

АГАША (*доставая изъ кармана письмо*).

Ну вотъ, самой хочется! Сама-то ужъ я ее разъ сто прочитала; даже наизусть выучила. Хочешь наизусть про-

чту! (*Кладетъ письмо на столъ, прикрываетъ его ладонью и читаетъ наизусть*). „Дражайшая любовь сердца моего, Агафья Ивановна! Въ первыхъ сихъ строкахъ извѣщаю васъ, что я живъ и здоровъ тѣлесно, но нездоровъ сердцемъ. Сердце мое не на мѣстѣ, и день и ночь страдаетъ объ васъ, не выдавшись съ вами. Лишь только заведу глаза, какъ вы стоите передо мной. Пойду въ поле прохладиться, дабы до своего свиданія забыть объ васъ, но и тамъ, вмѣсто вѣтра, слышу вашъ голосъ. Воркуютъ-ли голуби на кровлѣ нашей хижины и это напоминаетъ васъ. Что-то вы подѣлываете, ясная голубица, и такую-ли питаете ко мнѣ любовь, какъ я къ вамъ? Я питаю къ вамъ небесную любовь и каждый разъ, какъ вспомню объ васъ, кроплю мою одинокую подушку слезами. И увѣдомляю васъ, что раздѣлъ мы кончили, и на мою долю пришлось четыреста рублей, а также и маменька моя на бракъ съ вами благословила, но сама на свадьбу не ѣдетъ, такъ какъ стара стала и даже чулки вязать ощущую. Послѣ завтра я выѣзжаю и въ воскресенье буду у васъ въ Петербургѣ и лежать у ногъ вашихъ. Лети письмо туда, кто приметъ безъ труда. Цалую ваши ручки и остаюсь влюбленный въ васъ Николай Никаноровъ.“ Ну что, хорошо?

ВИКУЛОВНА (*сквозь слезы*).

Молодецъ! Сладко пишетъ, очень сладко!

АГАША.

Вѣдь сегодня у насъ, няня, воскресенье. Сегодня Николай-то Никанорычъ пріѣдетъ. Я нарочно никому не сказывала, чтобъ сюрпризомъ... Сегодня онъ пріѣдетъ, а въ будущее воскресенье у насъ свадьба. Чего ждать-то? Все готово, даже и въ церкви окликали. Еще до его отъѣзда окликали. Потому онъ тогда хотѣлъ сначала жениться на мнѣ, а потомъ и ѣхать со мной вмѣстѣ въ свое мѣсто. Да вдругъ побоялся, что у маменьки благословенія не попросилъ, ну и поѣхалъ за благословеніемъ, а свадьбу отложили.

ВИКУЛОВНА.

Помню, помню... Что ты мнѣ-то рассказываешь!

АГАША.

Вотъ какъ только теперь звонокъ, или кто къ воротамъ подъѣдетъ, такъ я своя не своя! Все думаю, что онъ.

ВИКУЛОВНА.

Да вонъ никакъ кто-то подъѣхалъ. Не онъ ли?

АГАША *(подбѣгая къ окошку)*.

Онъ, онъ! Какой запыленный и съ чемоданомъ. *(Бѣжитъ къ средней двери и кричитъ)*. Марфа Марфа! Николай пріѣхалъ. Подсоби ему чемоданъ внести.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЪ ЖЕ И НИКОЛАЙ НИКАНОРОВЪ.

НИКОЛАЙ (*вбѣгаетъ въ сред-
нія двери, одѣтый по
дорожному*).

Агафья Ивановна! И узнать нельзя, какъ похорошѣли!
(*беретъ ее за руки*).

АГАША.

Наконецъ-то вы пріѣхали, Николай Никанорычъ, а
ужъ я ждала, ждала! Всѣ глаза проглядѣла. Здрав-
ствуйте!

НИКОЛАЙ.

Здравствуйте! Только нешто такъ здороваются послѣ
пяти недѣль разлуки?

АГАША.

А то какъ же?

НИКОЛАЙ.

Извѣстно какъ! Поцѣловаться надо, да не одинъ
разъ.

АГАША.

Ахъ, что вы это? Это невозможно! До свадьбы нельзя.

ВИКУЛОВНА.

Ну, полно передо мной-то финтить! Цалуй, цалуй его. Потѣшь парня. Шутка-ли, сколько не видались!

АГАША

Ну, хорошо, поцѣлуемтесь; только одинъ разъ.

НИКОЛАЙ.

А ужъ это тамъ видно будетъ сколько разъ! *(Обнимаетъ Агашу, цѣлуетъ ее разъ пять, потомъ подходитъ къ Викуловнѣ и также цѣлуется).*

АГАША.

Вотъ видите, какіе вы мужчины! Дозволь вамъ разъ, такъ вы своевољствомъ пять разъ лишнихъ прихватите.

НИКОЛАЙ.

Ничего-съ, послѣ свадьбы сочтемся! Данило Ивановичъ здоровы-ли?

АГАША.

Здоровъ-то здоровъ, только дурить очень.

НИКОЛАЙ.

То есть какъ это? Хмѣлемъ зашибаться стали, что-ли?

АГАША.

Нѣтъ, совсѣмъ другое. Пить-то онъ пьетъ, только не очень, а у него особаго рода дурь. Вотъ она разставлена и развѣшана. (*Указываетъ на барабанъ, латы и проч.*).

ВИКУЛОВНА.

Да, задалъ онъ намъ трезвону съ этой чортовой бочкой, прости Господи!

НИКОЛАЙ.

То есть, въ чемъ же дѣло-то! И для чего эти вещи тутъ?

АГАША.

А вотъ видите-ли: вѣдь онъ никогда ни книгъ, ни газетъ не читаетъ, а тутъ прочиталъ въ газетахъ, что всѣ до одинаго въ солдатахъ служить должны, да и у насъ по Ямской объ этомъ молва прошла, ну и задурилъ. Сначала-то было погорѣвалъ и крѣпко погорѣвалъ, а потомъ вдругъ разъ приходитъ изъ лавки домой, приносить саблю и ну ей махать. Пугаетъ насъ да и только. Спрашиваемъ: что съ нимъ? А онъ: привыкать, говорить, надо, привыкать, потому всѣ служить будемъ, всѣ солдаты. Послѣ сабли этой съ молодцами маршировать началъ. Такую игру затѣялъ, что бѣда! Каждый день придутъ изъ лавки, поставятъ въ углу закуску, водку и ну ее приступомъ брать! Одни

охраняють, другіе наступаютъ. Разъ въ этой свалкѣ ему такъ отъ кого-то не взначай попалось, что и теперь съ синякомъ надъ глазомъ ходитъ. Ужъ пластыремъ залѣпилъ. И вѣдь не пронялся, а еще пуще сталъ. Вонъ латы и каску купилъ, да въ нихъ по вечерамъ и щеголяетъ. Коли, говорить, отъ кого попадетъ въ грудь и голову, такъ синяка не оставитъ. Барабанъ купилъ.

ВИКУЛОВНА.

Да, да, ужъ и смучилъ же онъ насъ этимъ барабаномъ. Какъ заиграетъ, такъ даже все сердце оборвется. Ну, да она тебѣ обо всемъ расскажетъ, а я пойду для тебя самоварчикъ поставлю. Съ дороги-то оно хорошо чайкомъ пораспариться. (*Уходитъ*).

АГАША.

Барабанъ купилъ, ундера, что у насъ во флигелѣ живетъ и сапоги шьетъ, въ учителя себѣ нанялъ. Теперь этотъ ундеръ его лучший другъ сталъ. Каждое утро приходитъ къ намъ въ кухню, бьетъ въ барабанъ и будитъ всѣхъ. Да вѣдь съ самаго, что ни на есть съ позаранку. Пушку купилъ и въ саду было стрѣлять началъ, да сосѣди жаловались мировому, такъ тотъ оштрафовалъ его и стрѣлять запретилъ. По ночамъ тревогу дѣлаетъ. Вдругъ зазвонитъ въ этотъ колоколь. И тогда ужъ всѣ вставай... Да что, всѣхъ его затѣй и не расскажешь! Сами увидите.

НИКОЛАЙ.

Ну, да Богъ съ нимъ! Пословица говорится: чѣмъ бы дитя не тѣшилось, лишь бы не плакало, а мы поговоримте лучше о нашей свадьбѣ...

АГАША.

О свадьбѣ теперь только одинъ разговоръ можетъ быть, чтобы скорѣй вѣнчаться, потому братецъ такой взбалмочный сдѣлался, что, чего Боже оборони, отдумаетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

АГАША, НИКОЛАЙ НИКАНОРОВЪ, АНИСЬКА, ДЕРГАЧЕВЪ И ПОТОМЪ БРЫКАЛОВЪ.

АНИСЬКА (*вбѣгая*).

Самъ пріѣхалъ! Самъ!.. (*Хватаетъ за веревку колокола и звонитъ. Вслѣдъ за звономъ вбѣгаетъ Дергачевъ, надѣваетъ на себя барабанъ и начинаетъ въ него бить. Во время барабаннаго боя входитъ Брыкаловъ, даетъ Дергачеву знакъ прекратить бой, останавливается посреди комнаты и важно смотритъ по сторонамъ. Однѣтъ онъ по русски: въ сюртукъ до коленъ и дутые сапоги. На сапогахъ шпоры*).

НИКОЛАЙ (*Агаша*).

Что же это за представленія такія?

АГАША.

А вотъ это-то его затѣи и есть.

ДЕРГАЧЕВЪ (*кладя барабанъ
въ козлы*).

Барышисто ли торговать изволили, ваше степенство?

БРЫКАЛОВЪ.

Что торговля! Не о торговлѣ теперь думать нужно, а какъ бы къ солдатчинѣ привыкнуть.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Это точно, ваше степенство. Служба прежде всего.

БРЫКАЛОВЪ.

Еъ которомъ часу ученіе назначено?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Въ восемь часовъ, ваше степенство.

БРЫКАЛОВЪ.

Благодарю! Скажи стряпухѣ, пусть ужина не стряпаетъ. Сами въ саду будемъ кашу варить и ночь проведемъ тамъ же, на бивакахъ.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Осмѣлюсь доложить, дождь идетъ, ваше степенство

БРЫКАЛОВЪ.

Знаю. Привыкать надо, ко всему привыкать!
(Дергачевъ и Анисья уходятъ).

НИКОЛАЙ (нѣсколько разъ порывавшійся подойти къ Брыкалову, подходитъ).

Здравствуйте Данило Ивановичъ! Все ли вы въ добромъ здоровьѣ?

БРЫКАЛОВЪ.

А!.. Никаноровъ, здорово! (Цѣлуетъ съ нимъ).
Радъ, радъ! По крайности, нашего полка прибыло. Мы, брать, здѣсь къ солдатчинѣ привыкаемъ. У насъ теперь все по военному. Чай слышалъ, что теперь ужъ никто не отвертится. Всѣ служить будутъ: и хозяева и прикащики, и купцы и мѣщане, и даже самъ городской голова. Кто куда годится: кто въ конницу, кто въ пѣхоту, кто во флотъ, а кто въ пожарную команду.

НИКОЛАЙ.

Это точно-съ. Въ нашемъ мѣстѣ объ этомъ тоже молва шла и въ газетахъ пропечатано было. Только вѣдь, говорятъ, еще не скоро.

БРЫКАЛОВЪ.

Скоро-ли, не скоро-ли, а только всѣ служить должны, стало быть и привыкать надо. Я вотъ въ гу-

сары думаю, а потому къ шпорамъ и привыкаю. Хорошо? (*Брянчитъ шпорами*).

НИКОЛАЙ.

То есть что жъ тутъ хорошаго? Только громъ одинъ.

БРЫКАЛОВЪ.

Ну, да ты этого не понимаешь. Тебя, навѣрное, въ пѣхоту, потому у тебя лицо такое пѣхотное. Сегодня, вотъ, отдохнешь съ дороги, а завтра на ночь на часы, на голубятню.

НИКОЛАЙ.

То есть какъ на голубятню.

БРЫКАЛОВЪ.

А такъ, что у насъ теперь такое заведеніе, что каждую ночь кто-нибудь изъ молодцовъ на часахъ на голубятнѣ стоять. Это опять таки для того, чтобъ привыкать.

НИКОЛАЙ.

Что жъ, постоимъ, коли такое заведеніе есть.

АГАША.

Вы, Николай Никанорычъ, потеплѣе одѣньтесь. Я вамъ шарфъ гарусный на шею дамъ.

НИКОЛАЙ.

Я любовію согрѣтъ буду.

БРЫКАЛОВЪ.

Не любовію, любовь теперь по боку, а у насъ на это есть положеніе: косушка водки. (*Агаша*). И тебѣ есть работа. Только смотри, чтобъ къ завтраму непременно готово было. (*Достаетъ изъ задняго кармана свертокъ и вынимаетъ оттуда три лоскутка: зеленый, жолтый и красный и подаетъ Агашу*). Вотъ эти три куска вмѣстѣ сошьешь. Это флагъ нашей роты будетъ. (*Николаю*). Знаешь, Никаноровъ, что я на немъ хочу изобразить? Хочу изобразить аршинъ, ножницы и кота. По крайности, понятно будетъ, что торговые люди.

НИКОЛАЙ.

Маменька моя вамъ, Данило Иванычъ, кланяться приказали. Онѣ мнѣ дали свое благословеніе на бракъ съ Агафьей Ивановной. Теперь мы, ни мало не медля можемъ и за свадьбу.

БРЫКАЛОВЪ.

Какая свадьба! Нешто теперь кто женится? Теперь нужно къ солдатчинѣ привыкать, а онъ про свадьбу!

НИКОЛАЙ (*отъшавъ*).

Какъ же, Данило Иванычъ, вѣдь вы сами дали согласіе?..

А ГАША.

Братецъ, что же это такое?!

БРЫКАЛОВЪ.

А тоже, что никогда этого не будетъ, чтобъ я тебя выдалъ за солдата. Да и самой, что за радость быть солдаткой. При тятенькѣ была купеческая дочь, при мнѣ теперь купеческая сестра, а то вдругъ выйдешь за мужъ и будешь солдатка.

АГАША.

Братецъ, какой же онъ солдатъ? У него ужъ года вышли. Вы газетъ не читаете. Тамъ сказано, что будутъ брать только тѣхъ, кому 21 или 22 года. Вы прочтите.

БРЫКАЛОВЪ.

Да, какъ же, стану я читать! Вонъ у насъ сосѣдъ читалъ, читалъ да и дочитался, на цѣпь попалъ. Теперь сидитъ въ сумашедшемъ домѣ на цѣпи. Что мнѣ читать, коли я безъ того знаю, что всѣ служить должны. Теперь все по боку, и только одно: надо къ солдатчинѣ привыкать. *(Агаша садится на диванъ и плачетъ. Сзади ея становится Николай и тихонько утѣшаетъ ее).*

АГАША.

Полноте, Николай Никанорычъ! Сами виноваты нужно бы было до отъѣзда повѣнчаться.

БРЫКАЛОВЪ (*подходитъ къ
Николаю и ударяетъ его
по плечу*).

Что призадумался, солдатикъ? Полно, не тужи! Можетъ быть еще въ офицеры выслужись. Пойдемъ-ка я тебѣ покажу, что мы у непріятеля отбили. (*Подводитъ его къ флагу*). Узнаешь, чей это флагъ?

НИКОЛАЙ.

Никакъ нѣтъ-съ.

БРЫКАЛОВЪ.

Дура-голова! Изъ сосѣдскаго сада, съ бесѣдки. Третьяго дня ночью съ молодцами отвоевали. Какъ весело то было! Перелѣзли мы, знаешь, черезъ заборъ въ сосѣдскій садъ, сейчасъ къ бесѣдкѣ, другъ другу на плечи стали и сорвали флагъ. Въ саду на ту пору былъ караульный дворникъ, увидалъ насъ и ну кричать. Мы ему сейчасъ глотку заткнули, и въ плѣнъ. Привели сюда, да такъ водкой накатили, что тотъ даже въ безчувствіе впалъ. Ну, мы его сейчасъ вонъ отсюда и перекинули обратно черезъ заборъ.

НИКОЛАЙ.

Все это прекрасно, Данило Иванычъ, только вы насъ-то съ Агафьей Ивановной не загубите. Дозвольте повѣнчаться.

БРЫКАЛОВЪ.

И не думай, и не воображай! Я, братъ, и самъ думалъ жениться, и невѣста богатая была, а теперь все по боку хлопнулъ; потому—привыкать надо. Вотъ теперь къ саблѣ привыкаю. (*Беретъ со стула саблю, выхватываетъ ее изъ ноженъ и, замахиваясь на Николая, кричитъ*): Смерти или живота?

НИКОЛАЙ (*отскакивая отъ него*).

Данило Иванычъ, оставьте! что за шутки! Долго-ли до грѣха!

АГАША (*вскакивая съ мѣста*).

Братецъ, да вы никакъ съ ума сошли?

БРЫКАЛОВЪ.

Ничего, пусть привыкаетъ! Вотъ я теперь на него шутя замахнулся, такъ у него и то душа въ пятки ушла, а что тогда-то будетъ, какъ кто по заправски его пырнетъ?

АГАША.

Ну, братецъ, коли вы нашего счастья не желаете, такъ нечего и издѣваться надъ нами. Пойдемте Николай Никанорычъ.

БРЫКАЛОВЪ (*подбоченясь*).

А кто хозяинъ?

НИКОЛАЙ.

Позвольте, Агафья Ивановна, хозяйинъ требуетъ.

БРЫКАЛОВЪ.

Ну, ну, не надо. Вижу, что команду знаешь. (Агаша). Ты, дура, не плачь, я тебѣ жениха нашель, такого жениха, котораго ужъ ни въ какое войско не возьмутъ.

АГАША.

Не нужно мнѣ вашихъ жениховъ. Я ни за кого не пойду, кромѣ Николая Никанорыча.

БРЫКАЛОВЪ.

Да ты пойми одно, что Никаноровъ солдатъ, а твой женихъ, котораго я тебѣ сватаю никогда солдатомъ не будетъ.

АГАША.

Ежели по вашему, такъ какойнибудь старикъ, или убогой...

БРЫКАЛОВЪ.

Чтонибудь одно, матушка: или старый или молодой, или купецъ, или солдатъ.

АГАША.

Такъ ужъ пусть я лучше буду солдаткой.

БРЫКАЛОВЪ.

Понимаешь ты, что я этого не хочу, не желаю! Къ

тебѣ сватается мой сосѣдъ по лавкѣ, Саватьевъ. Человѣкъ почтенный, богатый...

АГАША.

Братецъ, помилуйте! Развѣ онъ мнѣ пара? Онъ старше поповой собаки, да къ тому же и хромаетъ на лѣвую ногу.

БРЫКАЛОВЪ.

Тѣмъ лучше. По крайности его ужъ ни въ какой резервъ не возьмутъ.

НИКОЛАЙ.

Помилуйте, Данило Ивановичъ, вы губите Агафью Ивановну: Саватьевъ двухъ жонъ заѣлъ.

БРЫКАЛОВЪ.

Ну, а теперь пусть она попробуетъ его заѣсть (Агаша). Ты, дура, только пойми одно: человѣкъ имѣетъ двѣ лавки съ военными вещами, а теперь, при всеобщей солдатчинѣ, сколько военныхъ вещей-то потребуется? Вѣдь сотни тысячъ нажить можно. Ну, да объ этомъ онъ тебѣ самъ расскажетъ; онъ сегодня хотѣлъ быть къ намъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТЪ ЖЕ И ДЕРГАЧЕВЪ.

ДЕРГАЧЕВЪ (*вноситъ подносъ
съ закуской и водкой и
ставитъ его на столъ*).

Сейчасъ, ваше степенство, ученье начнемъ.

БРЫКАЛОВЪ.

Дергачевъ!.. Вотъ еще одинъ солдатъ. И его обучать надо.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Обучимъ, ваше степенство, будьте покойны. Привыкнетъ. Человѣкъ ко всему привыкаетъ.

НИКОЛАЙ.

Вы меня на сегодня, Данило Ивановичъ, освободите отъ ученья этого, потому такъ какъ я съ дороги, то очень уставши.

БРЫКАЛОВЪ.

Дергачевъ, освободить его или не надо?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Освободите, ваше степенство, пусть его оттааетъ маленько.

БРЫКАЛОВЪ.

Ну такъ ты сегодня свободенъ. Отдохни, а завтра приготавлийся на часы на голубятню.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Ну, барышня, вы теперь отсюда извольте отправляться, потому что у насъ здѣсь ученье начнется.

АГАША.

Уйду, уйду! Глаза бы мои не глядѣли на ваше безобразіе. (*Уходитъ въ сопровожденіи Николая въ дверь на лѣво*).

БРЫКАЛОВЪ (*вслѣдъ*).

Агафья! Ты забываешься!

ДЕРГАЧЕВЪ (*стоя подлѣ колокола*).

Давать знакъ, ваше степенство?

БРЫКАЛОВЪ.

Давай! (*Дергачевъ звонитъ. Изъ средней двери выбѣгаютъ Василій Свистковъ и пятеро другихъ молодыхъ, а также и Аниська съ флейтой и группируются у стѣны. Брыкаловъ начинаетъ надѣвать на себя латы. Аниська подсобляетъ ему*).

ЯВЛЕНІЕ V.

БРЫКАЛОВЪ, ДЕРГАЧЕВЪ, ВАСИЛІЙ СВИСТКОВЪ, АНИСЬКА И МОЛОДЦЫ.

БРЫКАЛОВЪ *(надѣвая на себя латы)*.

Эхъ, тяжела ты служба солдатская! *(Аниськѣ)*.
Ну, что, Аниська, на флейтѣ теперь можешь?

АНИСЬКА.

Могу маленько, только вотъ въ переборѣ путаюсь.

БРЫКАЛОВЪ.

Учись, учись, потому привыкать надо!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Ужъ я, ваше степенство, какъ его жучу, а все наука плохо подается.

ВАСИЛІЙ *(молодцамъ)*.

Я, братцы, ватный нагрудникъ поддѣлъ, потому оно, ежели кто звизданетъ въ грудь, такъ все не такъ больно.

ОДИНЪ ИЗЪ МОЛОДЦОВЪ.

А я сахарной бумаги подложилъ.

БРЫКАЛОВЪ (*опоясываясь саблей*).

Ну, братцы, когда будемъ брать приступомъ закуску, такъ драться легче и чуръ, не по голому мѣсту, потому у меня еще и старый синякъ не зажилъ. Бей въ латы, либо въ каску, а по лицу не трогать.

ВАСИЛІЙ.

Слушаемъ-съ, Данило Иванычъ; только ужъ и вы намъ въ рыло не трафьте.

ДЕРГАЧЕВЪ (*командуетъ*).

Стройся! (*Молодцы начинаютъ строиться по парно. Впереди становятся: Дергачевъ съ барабаномъ и Аниська съ флейтой, съ боку помъщается Брыкаловъ съ саблей на голо*).

БРЫКАЛОВЪ.

Эй вы, подобрать брюхо! Дергачевъ смотри, они животы выпятили.

ДЕРГАЧЕВЪ (*оборачиваясь*).

Подобрать!!! (*Молодцы вытягиваются во фрунтъ*). Ну, ваше степенство, теперь командуйте: тихимъ шагомъ маршъ!

БРЫКАЛОВЪ.

Тихимъ шагомъ маршъ! Разъ, два, разъ, два! (*Дергачевъ на барабанъ, а Аниська на флейтъ играютъ маршъ. Всъ маршируютъ. Пройдя по сценъ раза три, останавливаются*).

ДЕРГАЧЕВЪ.

Сегодня много лучше... Вотъ, дастъ Богъ, въ воскресенье, ваше степенство, я примусь каждого отдѣльно обучать.

БРЫКАЛОВЪ.

Ну, теперь штурмовать закуску! Трое пусть охраняютъ, а мы четверо наступать будемъ. Раздѣлись, ребята! Вотъ такъ! (*Трое молодыхъ становятся къ закускѣ, на правомъ концѣ сцены, а трое съ Брыкаловымъ отходятъ на другую сторону. Всѣ засучаютъ рукава сюртуковъ и плюютъ на руки. Дергачевъ и Анисьяка стоятъ въ глубинѣ сцены и играютъ на приступѣ.*) Ребята, впередъ! Не робѣть! Ура! (*Наступающіе кричатъ: ура и бѣгутъ къ охраняющимъ закуску. Дѣлается свалка, послѣ которой наступающіе берутъ верхъ и овладеваютъ закуской и водкой.*)

ВАСИЛІЙ (*держа въ рукахъ графинъ водки и поднимая его надъ головой*).

Ура! Наше взяло, отвоевали!

БРЫКАЛОВЪ (*беретъ отъ него графинъ и каждому подноситъ по рюмкѣ*).

Ну, теперь въ садъ на биваки кашу варить!

ДЕРГАЧЕВЪ.

А послѣ ужина, ваше степенство, еще ученье будетъ, потому я хорошую штуку придумалъ. Вы спрячете куда нибудь въ укромное мѣстечко четвертную бутылъ водки, а мы ее начнемъ розыскивать и будетъ у насъ рекогносцировка для отысканія водки.

БРЫКАЛОВЪ.

Браво, браво! Другъ, лучший другъ! (*Бросается къ Дергачеву и обнимаетъ его*). И такъ, братцы, въ садъ, а дежурный пусть здѣсь у дверей на часахъ останется. Вольнымъ шагомъ маршъ! (*Всѣ уходятъ въ среднюю дверь, кромѣ Василя Свисткова, который остается у дверей*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВАСИЛІЙ И НИКОЛАЙ.

НИКОЛАЙ (*входя въ дверь на лѣво*).

Ушли? Ну, слава Богу! Вотъ, Вася, судьба то наша! Поѣхалъ въ свое мѣсто женихомъ, радовался, всѣмъ родственникамъ своимъ разсказалъ, что женюсь, а пріѣхалъ обратно и отчалилъ съ носомъ.

ВАСИЛІЙ.

Какъ, развѣ ужъ не отдаетъ Агафью Ивановну за тебя? Отдумалъ?

НИКОЛАЙ.

Отдумалъ тамъ, или не отдумалъ, а только не отдаетъ. Ты, говорить, не сегодня такъ завтра солдать, а я, говорить, не хочу выдавать свою сестру за солдата.

ВАСИЛІЙ.

Дурить онъ у насъ, ей-Богу, дурить! Не доведетъ его до добра эта солдатчина! Ужъ попивать началъ. Что это, говорить, за солдаты, который не пьетъ.

НИКОЛАЙ.

Ну, онъ-то, положимъ, дурить, а вы-то съ чего съ нимъ разные фокусы выдѣлываете?

ВАСИЛІЙ.

Эхъ, Николай Никанорычъ, вѣдь ты самъ знаешь, что наше дѣло прикащицкое, — подневольное. Вотъ, поставили на часы и стой, а сегодняшнюю ночь такъ и спать не придется: на голубятнѣ дежурный. Станешь проситься освободить, — такъ только одно и твердить: „привыкать надо, привыкать!“ Пробовалъ разъ на отрѣзъ отказаться идти, такъ сейчасъ: „пошелъ вонъ!“ Разсчитать, говорю, пожалуйста; а онъ мнѣ: „Какой, говорить, разсчитать, развѣ я тебѣ долженъ?“ Ну, и смирился, и пошелъ на эту самую голубятню, потому что вѣдь, онъ мнѣ сто рублей долженъ. Такъ какъ же, братъ, ты теперь?

НИКОЛАЙ.

Да ужъ не знаю, Вася, какъ и быть. Просто со-
еѣмъ голову потерялъ!

ВАСИЛІЙ.

Тебѣ, который годъ-то?

НИКОЛАЙ.

Двадцать пятый съ Михайлова дня пошелъ.

ВАСИЛІЙ.

Такъ какой же ты солдатъ? Ты вовсе не солдатъ:
года ужъ вышли. Обо всемъ, братъ, объ этомъ про-
печатано есть. Будутъ брать только тѣхъ, кому двад-
цать одинъ годъ. Вотъ я, такъ навѣрное солдатъ,
потому мнѣ двадцать.

НИКОЛАЙ.

Говорили мы ему, да не вѣрить, а самъ ничего не
читаетъ.

ВАСИЛІЙ.

Такъ сунъ ему эту самую газету подъ носъ, авось
прочтетъ.

НИКОЛАЙ.

Да гдѣ ее найдешь-то?

ВАСИЛІЙ.

У меня есть.

НИКОЛАЙ.

Голубчикъ, дай!

ВАСИЛІЙ.

Изволь. Она у меня въ молодцовоѣ, только мнѣ отсюда отойти-то нельзя, потому я на часахъ. Вотъ тебѣ ключъ, открой мой сундукъ и на днѣ увидишь банку съ помадой, подъ банкой пѣсенникъ, а въ пѣсенникѣ то сложенная газета и лежитъ.

НИКОЛАЙ.

Спасибо, голубчикъ! *(Беретъ ключъ, чмокаетъ Василья въ щеку и бѣжитъ въ среднюю дверь).*

ВАСИЛІЙ.

Да, жалко его, и Агафью Ивановну жалко! Больно крѣпко она влюблена-то въ него. Ахъ, житье, житье! Хоть бы ужъ скорѣй въ солдаты взяли, а то только томятъ. Хоть бы ужъ въ пожарные, такъ и то ладно.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВАСИЛІЙ И САВАТЬЕВЪ.

САВАТЬЕВЪ *(входитъ въ среднюю дверь и пристально смотритъ на Василья).*

Что-жь, шельма, не кланяешься? Зазнались, каналѣ! Ради, что съ хозяевами въ однѣхъ ротахъ, въ однѣхъ рядахъ служить придется.

ВАСИЛІЙ.

Чего-жъ мнѣ кланяться-то, коли ужъ я сегодня по утру съ вами видѣлся? Чай вѣдь сосѣди!

САВАТЬЕВЪ.

А отъ втораго-то поклона голова отломится, что-ли? Гдѣ хозяинъ?

ВАСИЛІЙ.

Въ саду на бивакахъ кашу варять.

САВАТЬЕВЪ.

Это, значить, онъ привыкаетъ къ солдатчинѣ. Что-жъ, надо и намъ привыкать. (*Вздыхаетъ и садится*). То есть вотъ истинно судьбы Божія не исповѣдимы! Думалъ ли я, что когда нибудь буду солдатомъ? И вдругъ... солдатъ! Тридцать лѣтъ военными вещами торгую и тридцать лѣтъ съ любовію на свой товаръ глядѣлъ, а теперь просто хотъ и въ лавку не ходи. Какъ взглянешь на какую нибудь саблю или каску, такъ тебя въ дрожь и кинетъ! Даже поджилки задрожать! Сегодня послѣ обѣда прилегъ соснуть часочикъ, думалъ забыться не много и вдругъ вижу, что будто за мной какой-то турокъ съ пикой гонится. Проснулся весь въ поту. Иду сюда и вдругъ попадается на встрѣчу солдатъ,—такъ меня и шарахнуло въ сторону. Каждаго звонка дома боюсь, все думаю, что идутъ меня въ солдаты брать. О Господи, Господи, ужъ въ монахи идти, что ли?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТЪ ЖЕ И АГАША.

АГАША (*входя въ дверь на
лѣво*).

А, Акимъ Саватьичъ здѣсь! Хорошо же, лучше съ нимъ впередъ объясниться. (*Подходитъ къ нему*). Послушайте, вы здѣсь зачѣмъ? Коли свататься, такъ знайте напередъ, что не видать вамъ меня, какъ своихъ ушей. Идите лучше домой, потому вамъ здѣсь нечего дѣлать.

САВАТЬЕВЪ.

Эхъ, Агафья Ивановна, куда я теперь пойду? Я ужъ и такъ, какъ Каинъ, убившій брата своего Авеля, нигдѣ мѣста себѣ найти не могу.

АГАША.

Скажите на милость, старичишка и туда-же влюбленъ! Нигдѣ, говорить, мѣста найти не могу. Да кто вамъ позволилъ въ меня влюбиться?

САВАТЬЕВЪ.

Эхъ, барышня, какая ужъ тутъ любовь, коли не сегодня, такъ завтра лобъ забрѣютъ.

АГАША.

Кому это? Вамъ? Ха, ха, ха!.. Да что вамъ брить-то? У васъ и такъ голова на три четверти голая. И какой вы солдатъ? Вотъ потѣха-то! Развѣ въ хлѣбный амбаръ крысъ бить, да и то не годитесь.

САВАТЬЕВЪ.

Вамъ хорошо смѣяться-то, а каково мнѣ-то теперь? Изъ хорошей жизни—и вдругъ подъ красную шапку. Еще вдругъ, чего Боже оборони, твой молодецъ въ офицера выдетъ и надъ тобой, падъ хозяиномъ, командовать станетъ. Каково это? Нѣтъ, каково это хозяйскому-то сердцу? Что тутъ дѣлать? Куда дѣваться? Вотъ одно наше теперь прибѣжище. (*Указываетъ на закуску, подходитъ къ ней и пьетъ рюмку водки*).

АГАША (*подбѣгая къ нему*).

Смотрите же, и изъ головы выкиньте женитьбу на мнѣ, а ежели женитесь, такъ я въ первый же день свадьбы вамъ носъ откушу.

САВАТЬЕВЪ.

Что-жъ, откусите лучше теперь. По крайности черезъ это можетъ быть ужъ ни въ како войско не возьмутъ.

АГАША.

Ну, ужъ теперь пока оставайтесь съ носомъ, а обѣ

женитьбѣ на мнѣ и думать забудьте. (*Подходитъ къ двери на лѣво и издали грозитъ ему пальцемъ*). Такъ смотрите-же! (*Уходитъ*).

САВАТЬЕВЪ.

Нѣтъ, видно ужъ какъ тамъ не думай, а въ мо-
нахи идти придется.

ЯВЛЕНІЕ IX.

САВАТЬЕВЪ, ВАСИЛІЙ, БРЫКАЛОВЪ, ДЕРГАЧЕВЪ.

БРЫКАЛОВЪ (*входя съ Дергачевымъ*).

Они пускай кашу варятъ, а мы въ это время съ
тобой, служба, по чапорушечкѣ долбанемъ.

ДЕРГАЧЕВЪ (*снимая съ себя ба-
рабанъ и ставя его въ
козлы*).

Это, ваше степенство, можно, потому солдатъ безъ
водки все одно, что рыба безъ воды.

БРЫКАЛОВЪ.

А, Акимъ Саватичъ, ты ужъ здѣсь? (*Василію*).
Что-жъ не сказалъ мнѣ, что гость пришелъ?

ВАСИЛІЙ.

Да вѣдь я на часахъ. Нешто можно съ часовъ от-
лучаться?

БРЫКАЛОВЪ.

Маршъ въ садъ! (*Василій уходитъ*).

САВАТЬЕВЪ (*пристально смотря на Брыкалова*).

Что, братъ, Данило Ивановичъ, всё тамъ будемъ! И юные и старые, и прикащики и хозяева. Никто не отвертится, всёмъ лобъ забрѣютъ. Еще вчера, братъ, я радовался, что по годамъ моимъ старымъ, придется мнѣ въ семействѣ дни свои окончить, а сегодня оказывается, что и меня подъ красную шапку.

БРЫКАЛОВЪ.

Какъ? Помилуй, какой ты солдатъ? Да и года твои вышли. Дергачевъ, нешто съ такимъ брюхомъ можно въ солдаты?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Брюхо, ваше степенство, плевое дѣло, сейчасъ подберутъ. Въ двѣ недѣли ученья такъ обезбрюшатъ, что и свои не узнаютъ.

САВАТЬЕВЪ.

Въ томъ-то и дѣло, братъ, что теперь ни года, ни брюхо, ничто не поможетъ.

БРЫКАЛОВЪ.

Да ты врешь! Полно врать!

САВАТЬЕВЪ.

Въ томъ то и дѣло, что не вру, а сегодня я все это новое положеніе до тонкости отъ одного военнаго писаря узналъ, и пришелъ тебѣ сказать, что на сестрѣ твоей я жениться не могу, потому теперь только въ пору объ себѣ одномъ думать.

БРЫКАЛОВЪ.

Разскажи, разскажи про положеніе то, это очень интересно.

САВАТЬЕВЪ.

Изволь, только послушай, сними ты съ себя эти доспѣхи. Ей-Богу, какъ-то непріятно... Про свою будущую судьбу напоминаетъ.

БРЫКАЛОВЪ.

Да вѣдь ты самъ этимъ товаромъ торгуешь.

САВАТЬЕВЪ.

Мало ли что торгую... А теперь я и въ лавку свою ходить не буду, чтобъ этихъ шпагъ и касокъ не видать. Пусть молодцы одни въ лавкѣ сидятъ. Сними латы-то, пожалуйста; оно все какъ-то на душѣ полегче будетъ. Мнѣ ужъ и ничего-то не видя, и то штыки со всѣхъ сторонъ кажутся.

БРЫКАЛОВЪ.

Изволь, изволь!.. (*Снимаетъ съ себя латы, каску и саблю и кладетъ на стулъ*).

САВАТЬЕВЪ (*Дергачеву*).

А что, служивый, больно на этомъ самомъ ученьи-то стягаютъ?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Теперь ужъ не стягаютъ-съ, а больше лаской.

САВАТЬЕВЪ.

Ну хоть за это-то, слава Богу, а то каково терпѣть-то это все. (*Брыкалову*). Унеси ужъ ты, голубушка, все это оружіе въ другую комнату. Страшно какъ-то.

БРЫКАЛОВЪ.

Зачѣмъ же? Ты не гляди на него. Мы вотъ задомъ къ нему сядемъ. Садись и рассказывай. (*Садятся на диванъ. Дергачевъ также садится, но поодаль, около закуски и зокуриваетъ трубку*).

САВАТЬЕВЪ.

Пришолъ я это послѣ полудня изъ трактира въ лавку. Чай ходили пить... Пришелъ въ лавку и вижу стоять у насъ военный писарь и покупаетъ себѣ кепи. Торгуется, мы не уступаемъ; а онъ и говоритъ: „вы, говорить, теперь эти вещи дешевле продавать должны, потому съ новымъ военнымъ положеніемъ, когда всѣ служить будутъ, этого товару страсть что потребуется.“ А я его и спрости: какъ, говорю, почтенный, не

слыхали ли вы до какихъ лѣтъ въ солдаты-то брать будутъ? Никакихъ, говорить, тутъ лѣтъ не полагается, а всѣ до одинаго служить должны и никакого браку имъ не будетъ. Толстъ или хромъ, такъ на козлы, — пушки возить; малъ ростомъ, такъ въ егаря, Какъ сказалъ онъ это, такъ меня сначала въ дрожь, а потомъ въ потъ. Ну, а ежели, говорю я, по первой гильдии запишусь? Все равно, говорить. Ну, а ежели, колоколь пожертвую? И то, говорить, не отверитесь. Сказалъ и ушелъ. И вотъ съ тѣхъ-то поръ, потерялъ я свое спокойствіе.

БРЫКАЛОВЪ.

Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! Значить, и ты солдатъ? Ручку вашу... Можетъ, въ одной ротѣ служить придется. Впрочемъ, нѣтъ, не придется: куда тебѣ со мной! Я въ гусары, а ты куда нибудь на лазаретную фуру.

САВАТЬЕВЪ.

Грѣхъ тебѣ, Данило, надъ моими сѣдинами смѣяться!.. Я вотъ все думаю, не упрятали бы меня во флотъ, а я воды смерть боюсь, даже и черезъ Фонтанку на лодкѣ переплыть не могу... (*Помолчавъ*). Что-жъ, выпьемъ. Теперь ужъ все равно. Куда бечься-то?

БРЫКАЛОВЪ.

Это можно... (*Дергачеву*) Дергачевъ, налей!

Дергачевъ.

Слушаю, ваше степенство! (*Наливаетъ три рюмки. Всѣ чокаются и пьютъ*).

САВАТЬЕВЪ. (*Дергачеву*).

Ужъ и я васъ буду просить: начинайте и меня обучать артикулу. Только, пожалуйста, какъ нибудь полегче. За цѣной я не постою.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Это можно, ваше степенство. Въ лучшемъ видѣ обучимъ.

БРЫКАЛОВЪ.

Такъ вотъ какъ, Акимъ Саватьичъ! Значить, теперь лавки по боку надо. Только прежде всего надо сдѣлать быструю распродажу товаровъ и публиковать объ этомъ, да подъ шумокъ и новый товаръ спускать. Торгуй да торгуй пока, до солдатчины. Покупатель глупъ, валомъ повалить. Я и объявленіе придумалъ; такое объявленіе разухабистое, что и нѣмцу полотнянчику не придумать. Прежде всего большими буквами: „Въ гробъ ляжете, а не дождетесь такой распродажи,“ а потомъ самымъ жалобнымъ тономъ: „будучи принужденъ поступить въ солдаты по случаю всеобщей военной повинности и нуждаясь въ поддержаніи своего семейства, съ душевнымъ прискорбіемъ души и тѣла, объявляю, небывалую до сихъ поръ, бы-

струю распродажу съ уступкою семидесяти процентовъ. Распродажа будетъ производиться при барабанномъ боѣ, при чемъ новопривезенный изъ Бразиліи органъ будетъ наигрывать персидскій, турецкій и другіе марши.“ А потомъ преісь-курантъ. Отдай все серебро и всѣ мѣдныя, а нигдѣ не найдетъ куска галанскаго полотна въ пять рублей, кромѣ лавки будущаго солдата, а нынѣ купца Брыкалова! Хоть генералу, такъ не стыдно сморкнуться въ дюжину полотняныхъ платковъ, стоящихъ одинъ рубль и дороже! Быкъ забодаетъ—вотъ какіе фуляры имѣются за 50 коп. штука и дороже. Самъ бы носилъ, да деньги нужно — вотъ какіе носки имѣются въ лавкѣ купца Брыкалова, стоящіе одинъ рубль за дюжину и дороже. А придетъ покупатель, спроситъ носковъ въ рубль дюжину, въ отвѣтъ ему: дешевые, молъ, всѣ распродали. Сейчасъ только, передъ вамъ и, былъ генералъ и десять дюжинъ для своихъ сыновей купилъ, а вотъ неугодно ли въ шесть рублей.—Ну что, хорошо?

САВАТЬЕВЪ.

Хорошо-то хорошо, только вѣдь все-таки въ солдаты-то попадешь.

БРЫКАЛОВЪ.

Э, полно тужить! Главное дѣло привыкать нужно, а теперь выпьемъ! (*Подходятъ къ закуску и пьютъ. Входитъ Николай.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ТЪ ЖЕ И НИКОЛАЙ.

БРЫКАЛОВЪ (*завидя Николая*).

Что тебѣ?

НИКОЛАЙ.

Я къ вамъ, Данило Ивановичъ, съ покорнѣйшею просьбою: отдайте за меня Агафью Ивановну. Я солдатомъ не буду, мои года вышли.

БРЫКАЛОВЪ.

Врешь, врешь! Всѣ служить будемъ, всѣ солдаты... (*Указывая на Саватѣева*). Даже и онъ. Привыкать надо! Привыкать! Ему вонъ еще сегодня военный писарь рассказывалъ, что всѣ безъ изъятія...

НИКОЛАЙ.

Помилуйте, какже военному писарю вѣрить, коли въ газетахъ пропечатано, что будутъ брать только тѣхъ, кому 21 годъ, а мнѣ 24.

БРЫКАЛОВЪ.

Врешь, врешь!

НИКОЛАЙ.

У меня и газета есть. Извольте посмотрѣть. Я даже это самое мѣсто и карандашемъ обвелъ. (*Вынимаетъ изъ кармана газету и подаетъ Брыкалову. Саватьевъ вырываетъ ее у него и начинаетъ читать*).

САВАТЬЕВЪ (*читаетъ*).

„Призывать ежегодно на службу молодыхъ людей, окончившихъ 21 годъ къ первому январю того года, когда производится призывъ.“ Господи, даже въ глазахъ потемнѣло отъ радости! (*Опускается на стулъ*).

БРЫКАЛОВЪ.

Никому не повѣрю, пока самъ не прочту! (*Вырываетъ у Саватьева газету и читаетъ*). Да, 21 годъ. (*Николаю*). А можетъ тебѣ и 21-го нѣтъ?

НИКОЛАЙ.

Извольте и паспортъ посмотрѣть. (*Подаетъ паспортъ*).

БРЫКАЛОВЪ (*смотритъ въ паспортъ*).

Такъ и есть, отвертѣлся, собака!

САВАТЬЕВЪ. (*протирая руки*).

То есть такое теперь счастье чувствую, какъ будто двѣсти тысячъ на пяти - процентный билетъ выи-

гралъ. Голубчики вы мои! (*Бросается всѣмъ обнимать*).

НИКОЛАЙ.

Такъ что же, Данило Ивановичъ, отдайте за меня Агафью Ивановну.

БРЫКАЛОВЪ.

Погоди, дай подумать. Можетъ быть тебя въ какой нибудь резервъ возьмутъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ И АГАША.

НИКОЛАЙ (*Агаши*).

Вотъ прошу Данила Ивановича, чтобъ не лишалъ насъ нашего счастія, такъ какъ мои годы вышли и я не буду солдатомъ.

АГАША (*обнимая брата*).

Братецъ, отдайте меня за Николая!

БРЫКАЛОВЪ (*помолчавъ*).

Ну хорошо, я отдамъ тебя за него, только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ свадьба была сейчасъ-же! Живо, по военному! Привыкать надо, привыкать!

АГАША

Извольте, братецъ, у насъ все готово.

БРЫКАЛОВЪ.

А коли готово, такъ будьте счастливы! Благословляю васъ, какъ въ водевилѣ на Александринскомъ театрѣ.

САВАТЬЕВЪ.

Позволь, что-жъ ты дѣлаешь? Теперь и я могу жениться.

АГАША.

А помните, что я вамъ на счетъ носа говорила?

БРЫКАЛОВЪ.

Нѣтъ, ужъ отчаливайте, потому мы васъ въ женихи брали только за неимѣніемъ лучшаго. *Дергачеву*). Бей сборъ! Пусть молодцы ихъ поздравляютъ. *(Дергачевъ бьетъ сборъ. Изъ среднихъ дверей выбѣгаютъ молодцы. Изъ двери на лѣво входитъ Викуловна)*.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ВСѢ ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АГАША *(Викуловнѣ)*.

Няня, няня, братецъ согласенъ и я выхожу замужъ за Николая!

ВИКУЛОВНА.

Вотъ и прекрасно. Повеселимся на старости лѣтъ.

(Брыкалову). Чего-жъ ты это раньше-то, батюшка, артачился?

БРЫКАЛОВЪ.

Не твое дѣло старуха! (*Молодцамъ*) Поздравляйте жениха и невѣсту!

МОЛОДЦЫ.

Съ нарѣченнымъ честь имѣемъ поздравить!

БРЫКАЛОВЪ.

Ну, теперь по военному: маршъ вѣнчаться!

ВИКУЛОВНА.

Да что ты, бѣлены что ли объѣлся?! Какъ же можно такъ скоро? Ни шаферовъ, ни дружки не назначено.

БРЫКАЛОВЪ.

Шаферомъ у Агаши я буду, а жениховскій дружокъ — Дергачевъ. Дергачевъ! ты не женатъ?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Богъ миловалъ, ваше степенство, холостъ. Мы и безъ жены отъ бабъ отбою не знали.

БРЫКАЛОВЪ.

Ну, такъ будь жениховскимъ дружкой!

ДЕРГАЧЕВЪ.

Слушаю, ваше степенство.

АГАША.

Братецъ, значить и вы теперь солдатомъ не будете:
вѣдь вамъ 24 года.

БРЫКАЛОВЪ.

Все одно, я буду охотой проситься и ужъ теперь
поступлю не въ гусары, а прямо въ черкесы.

ВИКУЛОВНА.

Что-жъ, не позвать ли со двора дѣвушекъ? Пусть
онѣ по крайности, хоть свадебныя пѣсни невѣстъ-то
попоютъ.

БРЫКАЛОВЪ.

Какія тутъ свадебныя! Солдатскія нужно, потому
что теперь привыкать надо, привыкать! А ну-ко, за-
пѣвало, затягивай солдатскую!

одинъ изъ молодцовъ (поетъ).

Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья,
Мы дрались тогда со Шведомъ
Подъ знаменами Петра.

ВСѢ.

Мы дрались тогда со Шведомъ
Подъ знаменами Петра!

ЗАНАВѢСЪ.

МЕДАЛЬ.

ШУТОЧНЫЯ СЦЕНЫ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Иванъ Степановичъ Степановъ, небогатый купецъ, 50-ти
лѣтъ.

Анна Кирилловна, жена его.

Настя, 20 лѣтъ { Дѣти Степанова.
Вася, 13 « }

Пимень Захарычъ Кузькинъ, курьеръ, молодой человѣкъ.

Катерина, кухарка.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ во время святокъ. Театръ представляетъ гостиную въ квартирѣ Степановыхъ. Двѣ двери: прямо и на право. Старая мебель краснаго дерева, бронзовые часы подѣ колпакомъ, на стѣнѣ почернѣлыя картины въ золотыхъ рамахъ и стѣнники съ незажженными свѣчами. При поднятіи занавѣса, Степановъ въ старомъ халатѣ сидитъ на диванѣ за столомъ и читаетъ «Полицейскія Вѣдомости.» Около него на стулѣ помѣщается Вася, держитъ въ рукахъ маску и прорѣзываетъ у ней ножницами ротъ. За другимъ столомъ сидятъ Анна Кирилловна и Настя. Анна Кирилловна штопаетъ чулокъ вздѣтый на стаканъ. Настя гадаетъ на царѣ Соломонѣ. Вечеръ. Комната освѣщена двумя свѣчами.

ЯВЛЕНІЕ I.

СТЕПАНОВЪ, АННА КИРИЛЛОВНА, НАСТЯ, ВАСЯ.

СТЕПАНОВЪ (*читаетъ*).

Вынуто изъ воды мертвое тѣло неизвѣстнаго мужчины, повидимому изъ крестьянъ. Три тѣла сегодня. Нѣтъ, стой! Вотъ еще четвертое: на чердакѣ дома № 4 усмотрѣно...

АННА КИРИЛЛОВНА.

Иванъ Степанычъ, брось! Ну что за чтеніе къ ночи! Дались тебѣ эти тѣла! Ужъ и такъ по ночамъ пугаемся, а тутъ вдругъ о тѣлахъ... Еще, чего добраго, сниться стануть.

СТЕПАНОВЪ *(оставляя читатъ).*

А и то дѣло! *(зѣваетъ и смотритъ на часы).*
Десять часовъ... Теперь спрашивается: чего сидимъ, да какъ совы глаза палимъ? Даромъ только свѣчи жжемъ. Похлѣбали, ну и ко сну пора.

НАСТЯ.

Ну, папенька, у васъ только одно и на умѣ—
спать да спать...

СТЕПАНОВЪ.

А что жъ мнѣ дѣлать-то? Въ присядку плясать, что-ли? Погоди, вотъ бубенъ куплю и начну тебя забавлять.

НАСТЯ.

Смотрите, маменька, что мнѣ на Царѣ Соломонѣ
вышло. *(Читаетъ):* „Разставь хитро-сплетенныя сѣти
намѣченному кавалеру и сбудется твое желаніе.“

АННА КИРИЛЛОВНА.

Дура!

НАСТЯ.

Только и умѣете, что ругаться. *(Читаетъ про себя).*

СТЕПАНОВЪ *(Вася).*

Нешто я за тѣмъ купилъ тебѣ маску, чтобъ ты ее
портиль?

ВАСЯ.

Я не порчу, папенька, а ротъ прорѣзываю. Завтра ряженые пойдемъ, такъ чтобы гостинцы можно было ѣсть. Теперь, и не снимаячи ее, можно что угодно въ ротъ запихать.

СТЕПАНОВЪ.

Гостинцы можно въ карманъ, а ѣсть дома.

ВАСЯ.

Это вы про густое говорите, а ежели жидкое? Варенье, напримѣръ... Какъ его домой возьмешь?

СТЕПАНОВЪ.

Все таки не годится! Маска бы и на будущій годъ послужила.

АННА КИРИЛЛОВНА.

Ну, ужъ это дудки, чтобы послѣ крещенья погань въ домъ была! Все въ печь! Тебѣ жалко, коли ребенокъ занимается.

СТЕПАНОВЪ.

Нешто это занятіе?

АННА КИРИЛЛОВНА *(живнувъ на Настю)*.

Все лучше, чѣмъ цѣлый день на царѣ Соломонѣ гадать да по окошкамъ вѣшаться.

НАСТЯ (*отпихивая книжку*).

Такъ и знала, что попрекнете! Что же мнѣ дѣлать-то?

АННА КИРИЛЛОВНА.

Дырря на себѣ штопать, а то цѣлый праздникъ иглы въ руки не брала.

НАСТЯ.

На то и праздникъ... Да и гдѣ же на мнѣ дырря? Въ гости не пускаете, къ себѣ никого не зовете... Отчего къ Скрыпинымъ не пустили? На святкахъ всѣ дѣвушки другъ у дружки гостятъ!

СТЕПАНОВЪ.

Ну, ужъ это изъ головы выбрось, чтобъ я тебя на святкахъ въ ямскую гостить отпустилъ.

НАСТЯ.

Это еще отчего? Чтожъ тамъ поганое мѣсто, что-ли?

СТЕПАНОВЪ.

Не поганое, а испортишься, потому тамъ теперь солдаты и офицеры стоятъ.

НАСТЯ.

Ну, такъ что жъ, что солдаты и офицеры? Солдаты и офицеры не съѣдятъ!

СТЕПАНОВЪ.

Ужъ это мы знаемъ, съѣдятъ или нѣтъ. Зови этихъ Скрыпиныхъ къ себѣ гостить. Перинъ, слава Богу, хватить.

НАСТЯ.

Такъ сейчасъ они теперь и пойдутъ отъ веселья! Онѣ теперь каждый день съ офицерами: то въ пріятныхъ разговорахъ, то въ клубѣ, то въ театрѣ. Третьяго дня говорящую куклу смотрѣли. А у насъ что?

СТЕПАНОВЪ.

Погоди, вотъ замужъ выдадимъ, такъ и у тебя будетъ говорящая кукла.

НАСТЯ.

Вотъ ужъ офицеры про этотъ сюжетъ говорить не будутъ! Постыдятся.

АННА КИРИЛЛОВНА.

А и въ самомъ дѣлѣ пора ей за мужъ. Совсѣмъ отъ рукъ отбилась дѣвчонка! Завтра же пошлю за свахой Лукерей... Пусть ей жениха ищетъ.

НАСТЯ.

У Лукерьи все кушцы, а я хочу благороднаго.

СТЕПАНОВЪ.

Такъ тебя благородный съ двумя тысячами и возьметъ! Дожидайся! Благородный ищетъ гдѣ погуще.

АННА КИРИЛЛОВНА.

Ну ужъ теперь и благороднымъ все та же цѣна, что прежде. Всякіе есть. Я вонъ одного знала, такъ тотъ на шинели съ бобровымъ воротникомъ женился.

СТЕПАНОВЪ.

Ну, это голь, шмоль и компанія. Отъ этого и корысти немного.

НАСТЯ.

Хоть бы въ театръ сводили, а то никакого развлечения!

СТЕПАНОВЪ.

Развлеченія, развлеченія! Иди вонъ завтра съ Васей ряженая. Вывороти мою старую шубу, а на маску я дамъ гривенникъ. Вотъ тебѣ и развлеченье!

НАСТЯ.

Чтобъ за мальчишку приняли да уши натрепали— благодарю покорно! Лучше ужъ дома страдать.

СТЕПАНОВЪ.

Гдѣ жъ это уши треплютъ? Вся бѣда, что не вступятъ...

НАСТЯ.

А то и выгонять вонъ. Сами же вы сегодня три компаніи ряженныхъ изъ молодцовоѣ вонъ выгнали, да еще сулили за хвостъ да палкой... Ужъ коли идти ряжеными, такъ надо костюмъ въ табачной взять.

СТЕПАНОВЪ.

Карету золотую не прикажете ли? Ну, баста! Молчи и иди спать! пойдете... Всѣмъ пора. *(Беретъ со*

стола свѣчку и направляется къ двери на лѣво. Слышенъ сильный звонокъ. Всѣ вздрагиваютъ.) Кто бы это былъ въ такую пору?

АННА КИРИЛЛОВНА.

Господи, ужъ не воры ли?

СТЕПАНОВЪ.

Экъ сморозила! Нешто воры стануть звониться!

ВАСЯ.

Папенька! Это вѣрно опять ряженые?

СТЕПАНОВЪ.

А и то, пожалуй! Не пущать! Не пущать! Не пущать! Ну ихъ! Еще стянуть что нибудь... Вонъ у Сидоровыхъ вчера часы пропали. (*Отворяетъ среднюю дверь и кричитъ*) Катерина! не пущай! Дома, мошь, нѣтъ! Спать легли! (*Смотритъ въ дверь, слышанъ второй звонокъ*).

КАТЕРИНА (*за сценой*).

Дома нѣтъ! Дома нѣтъ!

НАСТЯ.

Ахъ, срамъ какой! Можетъ это женихи?

КАТЕРИНА (*показывается въ среднихъ дверяхъ*).

Хозяинъ! Васъ спрашиваютъ, говорятъ, что бумагу какую-то привезли.

СТЕПАНОВЪ.

Не впускай! Кричи, что дома нѣтъ! Знаемъ мы эти бумаги-то!

КАТЕРИНА (*за сценой*).

Дома нѣтъ! Хозяинъ въ гостяхъ, а сама въ банѣ!

КУЗЬКИНЪ (*за сценой*).

Господа, впустите же! У меня бумага! Такъ невозможно!... Пусть кто нибудь роспишется!

СТЕПАНОВЪ (*заглядываетъ въ двери и кричитъ*).

А вотъ какъ спустимъ съ лѣстницы, такъ и будетъ возможно! Самъ роспишешься!

КУЗЬКИНЪ (*за сценой*).

Какъ бы не такъ! За меня въ тюрьмѣ згнѣешь! Я человѣкъ казенный! Я курьеръ, пріѣхалъ съ бумагой и медаль привезъ! Купцу Степанову медаль!

СТЕПАНОВЪ (*хватая себя за голову*).

Батюшки, мнѣ медаль! Ахъ я дуракъ! (*Кричитъ*) Катерина! Дура! Впускай скорѣй! (*Аннѣ Кирилловнѣ*). Мнѣ медаль привезли. Вотъ оскрамлились-то! Скорѣй огня! Свѣту! Васютка, зажигай стѣнники! Прибегите чулки-то! (*Общая суматоха. Вася начинаетъ зажигать стѣнники.*)

НАСТЯ.

Папенька, надѣньте хоть сюртукъ-то! Нешто можно въ халатѣ?

СТЕПАНОВЪ (*увидѣвъ въ дверяхъ Кузькина*).

Ну, ужъ теперь за одно погибать!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И КУЗЬКИНЪ, А ЗА НИМЪ КАТЕРИНА.

КУЗЬКИНЪ (*Катеринѣ*).

Казеннаго человѣка не впускать! Знаешь куда тебя за это? Въ рабочій домъ! На островъ Сахалинъ!

КАТЕРИНА.

Батюшка, ваше благородіе, простите меня дуру-бабу! Вѣдь хозяинъ не велѣлъ впускать, а по мнѣ когда угодно. Простите, ваше благородіе! Вѣкъ за васъ молиться буду. (*Цѣлуетъ Кузькина въ плечо.*)

КУЗЬКИНЪ.

Благодари Бога, что я повышение сегодня получилъ, а то бы я показалъ тебѣ!

НАСТЯ (*тихо матери*).

Маменька, я пойду переодѣнусь, а то при молодомъ мушкетерѣ и вдругъ въ эдакомъ видѣ! (*Уходитъ въ дверь на лѣво.*)

СТЕПАНОВЪ.

Извините пожалуйста! Милости просимъ!.. Мы дома и завсегда ради, только думали, что какіе нибудь ряженые балуются. Сами знаете, теперь время святочное... Всякій наровитъ влѣзть въ домъ обманомъ. Ужъ вы извините.

КУЗЬКИНЪ.

Съ лѣстницы спустить! За спусканіе-то нашего брата съ лѣстницы знаете куда посылають!

СТЕПАНОВЪ.

Ахъ, Господи! Да бросьте! Неужто мы и взаправду? Это все она дура-баба... (*Указываетъ на Катерину*). Извѣстно необразованность!

КУЗЬКИНЪ.

Все таки вы ей сдѣлайте строгое внушеніе, потому такъ нельзя... Тутъ прѣпона закону.

СТЕПАНОВЪ.

Мало того, въ три шеи сгоню! (*Катеринѣ*). Вонъ, мерзавка! (*Грозитъ ей кулаками. Катерина скрывается. Кузькину*). Прошу покорно садиться. Вотъ на диванчикъ... Тутъ по покойнѣй! Закусить не прикажете ли? Анна Кириловна, водочки, винца, закусить и все эдакое... живо!

АННА КИРИЛЛОВНА.

Сейчасъ, сейчасъ! Ужъ очень я испугалась-то! Ру-

ки — ноги дрожатъ! Простите господи́нь... Ужъ не знаю, какъ васъ величать-то?

КУЗЬКИНЪ.

Безъ величаній! Распоряжайтесь, распоряжайтесь, только порасторопнѣе, потому мнѣ некогда. (*Анна Кирилловна манитъ Васю и уходитъ съ нимъ въ дверь на лѣво.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

СТЕПАНОВЪ И КУЗЬКИНЪ.

СТЕПАНОВЪ.

Присядьте, осчастливьте...

КУЗЬКИНЪ.

Ага! теперь присядьте и осчастливьте, а давеча съ лѣстницы спускаться!

СТЕПАНОВЪ.

Вы опять за старое! Каюсь и прошу прощенія... Простите великодушно! Прошу покорно присѣсть.

КУЗЬКИНЪ.

Позвольте прежде дѣло сдѣлать... Вы купецъ Степановъ?

СТЕПАНОВЪ.

Точно такъ-съ. Я самый... По второй гильдіи.

КУЗЬКИНЪ.

Это намъ наплевать! Отвѣчайте только на вопросъ...
Женать, вдовъ или холостъ?

СТЕПАНОВЪ.

Женать-съ. Это вотъ давеча супруга была.

КУЗЬКИНЪ.

Дѣтей имѣете?

СТЕПАНОВЪ.

Двоихъ-съ. Сынъ тринадцати лѣтъ и дочь по двадцатому году.

КУЗЬКИНЪ.

Какой вѣры?

СТЕПАНОВЪ.

Русской-съ.

КУЗЬКИНЪ.

Коли такъ, такъ получите. Вотъ вамъ медаль и бумага. (*Подаетъ коробочку съ медалью и бумагу*). Ну, теперь съ наградой!

СТЕПАНОВЪ. -

Чувствительно благодарю! Чувствую, что не достоинъ, но благодарю! (*Жметъ Кузькину руку*). Господи! за что это?

КУЗЬКИНЪ.

Ну, ужъ объ этомъ не разсуждайте. Про то мы, начальство, знаемъ, достойны вы или нѣтъ. (*Садится*

на диванъ. Степановъ помѣщается около него на стуль.)

СТЕПАНОВЪ.

Извините, что я въ халатѣ. Если желаете, я въ минутку переодѣнусь.

КУЗЬКИНЪ.

Помилуйте, что за церемонія! Будьте, какъ дома! Что это у васъ лѣстница не освѣщается? Чуть лобъ себѣ не разшибъ.

СТЕПАНОВЪ.

Это не отъ насъ-съ. Видитъ Богъ, не отъ насъ-съ. Домохозяинъ скупится.

КУЗЬКИНЪ.

А вотъ мы съ нимъ завтра раздѣлаемся. Пошлемъ бумагу.

СТЕПАНОВЪ.

И стоитъ-съ. Ей-Богу, стоитъ-съ. Сквалыга страшная! За квартиру на меня десять рублей въ мѣсяцъ набавиль и вдругъ эдакія пакости! Пугните пожалуйста!

КУЗЬКИНЪ.

Пугнемъ, будьте покойны. У насъ нынче на этотъ счетъ до смерти строго.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, АННА КИРИЛЛОВНА И ВАСЯ (*входятъ съ подносами въ рукахъ, на которыхъ разставлены закуски, вина и водка и ставятъ ихъ на столы.*)

АННА КИРИЛЛОВНА.

Ужъ извините, господинъ офицеръ, на малости. Сами знаете—время ночное, всѣ лавки заперты. Что случилось дома, то и подаемъ.

КУЗЬКИНЪ.

Не извольте беспокоиться! Я на счетъ закусокъ очень мало... Было бы вино.

СТЕПАНОВЪ.

Такъ пожалуйста, осчастливьте.

КУЗЬКИНЪ.

Осчастливимъ, будьте покойны! Съ котораго стола начинать?

СТЕПАНОВЪ.

Да который глядитъ радостнѣе, съ того и начинайте.

КУЗЬКИНЪ.

Ну такъ съ этого. (*Степанову*). Пейте и вы... (*Наливаетъ двѣ рюмки и пьетъ съ нимъ*). Вы чѣмъ торгуете?

СТЕПАНОВЪ.

Краснымъ товаромъ-съ.

КУЗЬКИНЪ.

И хорошо грабите?

СТЕПАНОВЪ.

Помилуйте, какой грабежъ? Только бы жить! Наша торговля теперь самая плохая. Распродажи отбили. Разные города: Амстердамы, Фениксы и, прахъ ихъ возьми, какіе тамъ еще есть. Иные по три года распродаютъ и каждый разъ увѣряютъ покупателей, что до закрытія магазина осталось только нѣсколько дней. Ну, покупатель и валить, потому въ мысляхъ легкость имѣть. Теперь самое лучшее: или распродажу публиковать или дровяной дворъ открыть, потому дрова эти самыя—такой товаръ, что за нихъ, что хочешь, то и возьмешь. Въ какихъ то вѣдомостяхъ было разъ писано, что дрова скоро такъ вздорожаютъ, что дамы будутъ ихъ на шляпкахъ, какъ драгоценности какія, носить. Шляпка и въ видѣ украшенія, значитъ—по-лѣно.

КУЗЬКИНЪ.

Отчего же вы сами распродажу не назначите?

СТЕПАНОВЪ.

Да надо будетъ-съ. Сосѣдъ по лавкѣ вонъ и то какъ-то смѣялся въ трактирѣ. Публикую, говорить, въ вѣдомостяхъ, что желая удавиться на первой осинѣ, назначаю быструю распродажу.

КУЗЬКИНЪ.

А знаете куда можно упрятать вашего сосѣда за эти слова?

СТЕПАНОВЪ (*оробѣвъ*).

Помилуйте, онъ шутя и больше съ пьяна.

КУЗЬКИНЪ.

Ну, ну, я вѣдь это такъ, не пугайтесь.

СТЕПАНОВЪ.

Выпьемте, ваше благородіе.

КУЗЬКИНЪ.

Выпьемте, только ужъ теперь у другаго стола. (*Подходятъ къ другому столу.*)

СТЕПАНОВЪ.

И отлично. Теперь у другаго выпьемъ. Значить, такъ мы и будемъ ходить. Сначала къ одному столу, потомъ къ другому. И будетъ у насъ это какъ бы желѣзная дорога: станціи и на станціяхъ буфеты. Пожалуйста, — станція Малая Вишера! (*Пьютъ*).

КУЗЬКИНЪ.

А что же ваша супруга? (*Анна Кирилловна*).
Мадамъ долбаните?

АННА КИРИЛЛОВНА.

Не употребляю, ваше благородіе. Мнѣ на него и
смотримъ-то противно.

КУЗЬКИНЪ.

Пейте, пейте! Что за глупости? Я хочу, чтобъ всѣ
пили.

СТЕПАНОВЪ (*грозитъ Анну
Кирилловну*).

Не упрямься же! (*Анна Кирилловна пьетъ и за-
кашливается*). Ну, раскудахталась, какъ курица
передъ яйцомъ! Иди ужъ лучше... Не торчи тутъ!
(*Анна Кирилловна уходитъ*).

КУЗЬКИНЪ (*указывая на Васю*).

А это вашъ сынъ?

СТЕПАНОВЪ.

Сынокъ-съ. Онъ умный. Въ школѣ учится. Нынче
мнѣ къ Рождеству поздравленіе написалъ. Прикажите,
ваше благородіе, такъ онъ прочтетъ.

КУЗЬКИНЪ.

Пускай читаетъ, а мы сядемъ, будемъ пить и слу-
шать.

СТЕПАНОВЪ.

Читай, Васюкъ, не робѣй! Они ничего... Они смирные...

ВАСЯ (*читаетъ*).

Милый папа, мой безцѣнный,
Мой родитель дорогой,
Съ Рождествомъ, въ сей день священный,
Васъ пришелъ поздравить я.
Дай вамъ Боже многи лѣта!
И что бѣ вашъ счастливый вѣкъ,
Какъ прекрасная комета,
Лучезарно бы истекъ!...

КУЗЬКИНЪ.

Довольно, довольно! Одобряю... какъ зовутъ?

ВАСЯ.

Васильемъ-съ.

КУЗЬКИНЪ.

Ну, а скажи мнѣ, Вася, что значить: мани, факель, фаресь?

СТЕПАНОВЪ.

Не знаетъ. Гдѣ-жъ ему все знать!

КУЗЬКИНЪ.

Таинственныя слова, зримыя царемъ богохульникомъ Вальтасаромъ написанными на стѣнѣ, а что это

означаетъ ни единая душа не отгадала. Учись, учись! Наука прежде всего.... (*Степанову*). Нѣтъ ли у васъ рубля? Дайте ему отъ меня.

СТЕПАНОВЪ.

Помилуйте, зачѣмъ же? Вы насъ обижаете.

КУЗЬКИНЪ.

Я вамъ говорю, что слѣдуетъ! (*Степановъ даетъ*). Вотъ что Вася: вынеси моему кучеру стаканъ водки. Онъ у воротъ. На парѣ гнѣдыхъ. (*Подаетъ Вася стаканъ съ водкой*). Иванъ, господина Кузькина. Запомнишь?

ВАСЯ.

Запомню-сь. (*Уходитъ со стаканомъ*).

СТЕПАНОВЪ.

Парочку лошадокъ-то держите?

КУЗЬКИНЪ!

Не мои.... Казенныя.... Стану я своихъ держать! Мнѣ по моему мѣсту полагается пара.

СТЕПАНОВЪ.

Хорошее мѣсто, значить?

КУЗЬКИНЪ.

Да, хорошее. А знаете, г. Степановъ, вѣдь и вы хорошій человѣкъ. Жалко, что мы раньше не знали, что вы такой хорошій человѣкъ, а то бы мы васъ

вмѣсто серебряной къ золотой медали представили. Мы и то, признаться, съ генераломъ совѣтывались.

СТЕПАНОВЪ.

А напрасно не узнали. Пожаловали бы какъ ни-будь вечеркомъ, вышли бы, закусили, въ горку бы сыграли, въ три листика...

КУЗЬКИНЪ.

Да вѣдь некогда-съ. Днемъ занять по горло, а вечеромъ то въ театръ, то въ клубъ, то къ начальнику отдѣленія, то къ столоначальнику.

СТЕПАНОВЪ.

Пожалуйте, не задерживайте талію... хереску?

КУЗЬКИНЪ.

Да неловко-съ одного-то на каменку поддавать, а впрочемъ пожалуй! Какая теперь станція?

СТЕПАНОВЪ.

Бологово-съ. (*Пьетъ*). А что, ваше благородіе, развѣ примѣрить мнѣ медаль да посмотрѣть, какъ она ко мнѣ пойдетъ? Только въ халатѣ-то неловко!

КУЗЬКИНЪ.

Какъ возможно въ халатѣ! Сюртукъ слѣдуетъ. Надѣньте сюртукъ.

СТЕПАНОВЪ.

Такъ я сейчасъ, а вы тутъ пообождите маненько, позабавьтесь закусочкой.

КУЗЬКИНЪ.

Позабавимся, будьте покойны. Слѣдующая какая станція?

СТЕПАНОВЪ.

А пожалуй хоть и Валдайка. (*Указывая на закуску*). Пожалуйте, два звонка было. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

КУЗЬКИНЪ и ПОТОМЪ НАСТЯ.

КУЗЬКИНЪ (*одинъ*).

Совсѣмъ запугаль купца! Угощеніе хорошее... какую только денежную благодарность отвалить? Ну, Пименъ Захаровъ, наслаждайся! Гуляй во всю. (*Разваливается на диванъ, входитъ Настя въ парадномъ платьѣ, Кузькинъ вскакиваетъ и подходитъ къ ней*). Мамзель! Честь имѣю кланяться. Вы надо статься, дочка господина Степанова.

НАСТЯ.

Да-съ... Только я не затѣмъ... Я книжку пришла искать. (*Ищетъ что-то на диванѣ*).

КУЗЬКИНЪ.

Что книжка! Плюньте на книжку и давайте читать другъ друга...

НАСТЯ (*робко*).

Развѣ на насъ что нибудь написано?

КУЗЬКИНЪ.

А то какже? На васъ, напимѣрь, написано, что вы ангель.

НАСТЯ.

Я это должна принимать за насмѣшку.

КУЗЬКИНЪ.

Зачѣмъ такъ? Совсѣмъ напротивъ. Вамъ и зеркало объ этомъ скажетъ.

НАСТЯ.

А за тѣмъ, что всѣ мужчины насмѣшники. Имъ вѣрить нельзя. Они комплименты только изъ политики говорятъ.

КУЗЬКИНЪ.

Присядьте пожалуйста. Раздѣлите компанію.

НАСТЯ.

Стоя-то лучше. Покрайности вырасти можно. (*Садится*).

КУЗЬКИНЪ (*помышляется съ ней рядомъ*).

Часто, барышня, въ театрѣ бываете?

НАСТЯ.

Рѣдко. Драму какъ-то смотрѣли да и то со сра-

момъ, потому папенька сидѣлъ, сидѣлъ въ ложѣ и вдругъ заснулъ.—Храпѣть началъ.

КУЗЬКИНЪ.

А вы любите спать?

НАСТЯ.

Нешто можно говорить съ дѣвицей объ этомъ?

КУЗЬКИНЪ.

Отчего-же съ? Что-жъ тутъ постыднаго? Дѣло житейское...

НАСТЯ.

Вы статскій или военный?

КУЗЬКИНЪ.

Ни то, ни се... середка на половинѣ.

НАСТЯ.

А у васъ есть шпага?

КУЗЬКИНЪ.

Есть-съ и пребольшая... Только намъ полагается по большимъ праздникамъ, потому тяжела очень: пудъ десять фунтовъ.

НАСТЯ.

Ахъ, какая тяжесть!

КУЗЬКИНЪ.

Ужаси! Вѣрите, весь бокъ оттянетъ. Прошлый

разъ надѣлъ, такъ на другой день бокъ бѣленнымъ масломъ смазывалъ. (*Помолчалъ*). А въ церковь куда изволите ходить?

НАСТЯ.

Къ Владимірской...

КУЗЬКИНЪ.

Приходите въ субботу ко всенощной. Встрѣтимся.

НАСТЯ.

Вотъ еще что выдумали! (*Потупляетъ глаза*).

КУЗЬКИНЪ.

Барышня, подарите взглядомъ, удостойте улыбкой...

НАСТЯ (*Смотритъ на него и улыбается*).

Насмѣшники!

КУЗЬКИНЪ.

Такъ придете?!

НАСТЯ.

Не знаю.

КУЗЬКИНЪ.

Вотъ такъ-то лучше. Ужъ коли барышня говоритъ не знаю — значить придетъ! Ручку! (*хочетъ взять ее за руку*).

НАСТЯ.

Ни за что на свѣтъ! (*Вскакиваетъ съ дивана и убѣгаетъ на другой конецъ сцены*).

КУЗЬКИНЪ.

Прытки больно. (*Входитъ Степановъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

КУЗЬКИНЪ, НАСТЯ, СТЕПАНОВЪ.

КУЗЬКИНЪ (*увидя Степанова*).

А, вотъ и хозяинъ. Ну что надѣлъ медаль?

СТЕПАНОВЪ.

Надѣтъ-то надѣлъ, да вотъ бѣда — ни капельки изъ подъ бороды-то ее не видать. Длинна больно.

КУЗЬКИНЪ.

Покажитесь-ка... (*беретъ его за руку и выводитъ на авансцену*). Дѣйствительно длинновата; всю медаль закрыва.

НАСТЯ.

Такъ обрѣйтесь, папенька, вотъ тогда и будетъ видно.

СТЕПАНОВЪ.

Обрѣйтесь! Я вотъ тебѣ языкъ обрѣю, чтобы ты меньше молола.

НАСТЯ.

Это-то мы отъ васъ слышали, а вы вотъ скажите-ка что нибудь путное.

КУЗЬКИНЪ (осматриваетъ Степанова).

Брить не брить, а обрѣзать слѣдуетъ. Выкроить изъ нея такую французскую. Давайте я вамъ обрѣжу.

СТЕПАНОВЪ.

Ваше благородіе, побойтесь Бога! Двадцать лѣтъ ее ростилъ. Весь приходъ нашъ на нее любитъся. Нельзя ли подвернуть какъ нибудь, или за галстухъ спрятать?

КУЗЬКИНЪ.

Да что вы, раскольникъ что ли? Рѣзать, рѣзать!

СТЕПАНОВЪ.

Невозможно-съ! Меня сосѣди въ рынкѣ засмѣютъ. Въ лавку нельзя показаться будетъ... Нельзя ли какъ нибудь самую медаль спустить пониже?

КУЗЬКИНЪ.

Какъ спустить? Да вы въ своемъ ли умѣ? Сказано для ношенія на груди, а ежели мы ее спустимъ, такъ вы на чемъ будете носить? (*Настѣ.*) Барышня, давайте ножницы. Такую бороду вашему тятенькѣ выкрою, что кто бы ни взглянулъ — сейчасъ скажетъ: французъ!

СТЕПАНОВЪ.

Вотъ этого-то я и боюсь. Нельзя ли какъ нибудь сдѣлать изъ русскихъ по круглѣе?

КУЗЬКИНЪ.

Нельзя, нельзя! Самую французскую на гишпанскій манеръ.

НАСТЯ.

Что-жъ, папенька, давать ножницы-то? Чего вы боитесь, вѣдь живы останетесь!

СТЕПАНОВЪ.

Давай! Дѣлать нечего! (*Настя бѣжитъ къ дверямъ на лѣво*) или, эй Настасья, Стой! Въ той комнатѣ пострижемся... (*Кузькину.*) Можно въ той комнатѣ?

КУЗЬКИНЪ.

Можно, можно... (*Беретъ его за руку и ведетъ къ дверямъ на лѣво*).

СТЕПАНОВЪ.

Позвольте, ваше благородіе, на нее въ послѣдній разъ въ зеркало посмотрѣть.

КУЗЬКИНЪ.

Ну, ну, смотрите... Да только скорѣе!

СТЕПАНОВЪ (*смотрится въ зеркало*).

Настя, будешь ты послѣ этого отца своего почитать?

НАСТЯ.

Да ужъ стригитесь, — буду...

СТЕПАНОВЪ.

Даже слеза прошибаетъ — вотъ какъ жалко! (*Кузькину*). Нельзя ли, ваше благородіе, подогнуть?

КУЗЬКИНЪ.

Нельзя, нельзя! Не задерживайте, господинъ купецъ. Я человѣкъ казенный и мнѣ время дорого. Думаете, пріятно тутъ съ вами валандаться.

СТЕПАНОВЪ.

Ахъ ты жизнь человѣческая! Вотъ не было печали!.. Ужъ вы, пожалуйста, не очень коротко. (*Въ дверяхъ встрѣчаются съ Анной Кирилловною.*) Что, братъ, жена — стричь ведутъ.

КУЗЬКИНЪ.

Такую вашему супругу бороду смастеримъ, что даже собаки лаять начнутъ. (*Оборачивается, посылаетъ Настю летучій поцѣлуй и уходитъ вмѣстѣ съ Степановымъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

АННА КИРИЛЛОВНА И НАСТЯ.

АННА КИРИЛЛОВНА.

Куда это его повели? Въ чемъ дѣло?

НАСТЯ.

Бороду стричь. Господинъ офицеръ говоритъ, что

такъ невозможно... потому изъ подъ нея медали не видать.

АННА КИРИЛЛОВНА.

Такъ неужели онъ своей красоты-то лишиться долженъ? Ахъ старый человѣкъ! Совсѣмъ изъ ума выжилъ. Ростилъ, ростилъ и вдругъ...

НАСТЯ.

Что жъ дѣлать, маменька, коли такъ слѣдуетъ по закону. Не остриги-ко, такъ пожалуй въ часть возьмутъ.

АННА КИРИЛЛОВНА.

Ахъ ты Господи! Настюша, да нельзя ли попросить господина офицера? Пойдемъ попросимъ! Попроси, голубушка.

НАСТЯ.

Суньтесь-ко, такъ онъ вамъ покажетъ!

АННА КИРИЛЛОВНА.

Боюсь я одна-то. Онъ такой строгій, кричить все. Должно быть не малаго чину. Пойдемъ вмѣстѣ попросимъ.

НАСТЯ.

Вотъ еще что выдумали! Чтобъ я изъ-за папинькиной бороды, да унижаться стала! Ни за что на свѣтѣ!

АННА КИРИЛЛОВНА.

Ахъ Иванъ Степанычъ! И вздумать не могу, что онъ будетъ безъ бороды. Эдакую красоту и вдругъ долой.

НАСТЯ.

Не всю вѣдь стричь будутъ. Немножко-то останется. Да и стоитъ ли жалѣть объ эдакой дряни! Что такое борода? Такъ волосъ одинъ...

АННА КИРИЛЛОВНА.

Стыдись говорить-то такъ объ отцовской бородѣ, Срамница!

НАСТЯ.

Ну ужъ пошли! Теперь и конца не будетъ! А вы лучше вотъ что послушайте... Какой этотъ офицеръ прекрасный человѣкъ! Какой учтивый! Я сейчасъ съ нимъ въ пріятныхъ разговорахъ время проводила. И все комплименты! все комплименты! Кажется, заинтересовался мною.

АННА КИРИЛЛОВНА.

Ну вотъ, интересуется тобою этакій человѣкъ! Какже, дожидайся! Онъ и почище тебя найдетъ. Ему вонъ пара лошадей казенныхъ полагается. Ты, Настасья, кажется, очень много въ голову себѣ забиваешь.

НАСТЯ.

Много въ голову забиваешь! А какъ по вашему это называется, коли онъ даже просилъ меня придти въ субботу ко всенощной? Приходите, говорить, въ субботу ко Владимірской, ко всенощной — я тамъ буду.

АННА КИРИЛЛОВНА.

Врешь?!

НАСТЯ.

Мало того, — руку даже просиль поцѣловать, да я не дала.

АННА КИРИЛЛОВНА.

Что ты! Ну, Настасья, кажись, только посватайся къ тебѣ такой человѣкъ — минутки бы не подумала и сейчасъ бы тебя за него отдала.

НАСТЯ.

Погодите, будетъ нашъ; нужно теперь только коварную интригу подъ него подвести: онъ ко мнѣ, а я отъ него; онъ комплименты, а я: ахъ оставьте, пожалуйста; онъ къ рукѣ, а я къ нему спиной.

АННА КИРИЛЛОВНА.

Да не думаетъ ли онъ, что мы за тобой золотыя горы дадимъ?

НАСТЯ.

Ну вотъ еще! Благородный человѣкъ нешто объ этомъ думаетъ? Это только купцы на деньгахъ женятся. Это только тѣмъ подавай непременно чернобурый салопъ, крытый гранатнымъ бархатомъ, да розовое атласное одѣяло. Да наконецъ и я не голая. Слава Богу, у меня двѣ тысячи есть, да бабушкина брилліантовая серьга.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АННА КИРИЛЛОВНА, НАСТЯ, КУЗЬКИНЪ, СТЕПАНОВЪ.

КУЗЬКИНЪ (*выводитъ Степанова*).

Ну теперь совсѣмъ готовъ. И чего плакался? Такъ-то лучше. По крайности теперь лѣтъ двадцать съ костей долой!

НАСТЯ.

Ахъ, папенька, какіе вы смѣшные! (*Смѣется*).

АННА КИРИЛЛОВНА (*жалобно смотритъ на мужа*).

Что ты, голубчикъ, это изъ себя надѣлалъ? Взглянись-ко въ зеркало: на кого ты похожъ? Совсѣмъ облѣзлый сталъ. Какъ пѣтухъ общипанный...

СТЕПАНОВЪ.

Дура, не жалоби меня... Не вытерплю, заплачу. Ты думаешь, мнѣ не больно? (*Кузькину*). Ну, ваше благородіе, кажись, что и тысячи рублей не взялъ бы я за это безобразіе!

КУЗЬКИНЪ.

За то ужъ теперь совсѣмъ кавалеръ!
Какъ есть на французскій манеръ.

НАСТЯ.

Какой же кавалеръ? Кавалеры въ танцахъ бывають.

КУЗЬКИНЪ.

Въ танцахъ особъ статья, а это настоящій кавалеръ. Ну, господинъ Степановъ, теперь вамъ только звѣзду. Какую нибудь персидскую: Льва и Солнца.

СТЕПАНОВЪ.

Какъ льва? Нешто у нихъ по звѣрью называются?

КУЗЬКИНЪ.

А то какже? Вѣдь они нехристи. У нихъ святыхъ нѣтъ. У насъ, къ примѣру, Анны, Александра, Станислава, а у нихъ змѣя какого нибудь, тигра тамъ... крокодила... У мухофданъ есть даже орденъ аспиды и василиска.

СТЕПАНОВЪ.

Скажи на милость! Вотъ народъ-то! Другъ, выпьемъ! Авось, черезъ это свое бородиное горе забудемъ.

КУЗЬКИНЪ.

А отчего-жъ не выпить? Нацѣживай! (*Пьютъ*). Ну теперь, вали вторую! желаю выпить за здоровье вашей распрекрасной дочки.

НАСТЯ.

Пожалуйста не насмѣхайтесь. Вы вотъ теперь такъ говорите, а черезъ часъ и забудете.

КУЗЬКИНЪ.

Совсѣмъ не въ то мѣсто попали. Вотъ гдѣ буду носить васъ... (*Показываетъ на сердце*).

НАСТЯ.

Оставьте, пожалуйста!

КУЗЬКИНЪ.

Бутонъ!

СТЕПАНОВЪ.

Ну, пей, ваше благородіе! (*Пьетъ*). — А что, ваше благородіе, ежели бы мнѣ теперь мундиръ и шпагу?

КУЗЬКИНЪ.

Въ самомъ бы разѣ были!

АННА КИРИЛЛОВНА.

Ну вотъ, задумай еще что нибудь, такъ тогда не токма что бороду, а и голову обрѣютъ.

СТЕПАНОВЪ.

Молчи, старуха! Не твое дѣло!

НАСТЯ.

Ну, напенька, вамъ шпага не къ лицу.

СТЕПАНОВЪ.

Отчего-же не къ лицу?

НАСТЯ.

Оттого, что шпага только офицерамъ къ лицу, а вы купецъ.

СТЕПАНОВЪ.

Чтожъ, что купецъ? Нешто купцы не имѣютъ? Вонъ у насъ въ рынокѣ фруктовщикъ Вѣринъ, такъ у того мундиръ и шпага. Кажинный праздникъ наряжается и шпагу прицѣпляетъ. Настоящая шпага и вынимается даже. Самъ мнѣ показывалъ. Вынулъ это и помахиваетъ!..

КУЗЬКИНЪ.

А за помахиваніе-то знаете, что бываетъ? Это называется обнаженіе...

СТЕПАНОВЪ.

Господи! онъ шутя. Какое тутъ обнаженіе?.. Больше для того, чтобъ передъ своими похвастаться. Ваше благородіе, ей Богу ты мнѣ по нраву пришелся! (*Обнимаетъ Кузькина*). Кажись, теперь для тебя ничего не пожалѣю. Хочешь сейчасъ балъ сдѣлаю? Перебужу молодцовъ и пусть ихъ пѣсни поютъ.

КУЗЬКИНЪ.

Эко важное кушанье. Пѣсенъ-то я этихъ на Крестовскомъ слушалъ да и переслушалъ.

СТЕПАНОВЪ.

Ну такъ заберемъ молодцовъ и поѣдемъ въ Елдару—медаль вспрыскивать. Пусть всѣ пьютъ! Всѣмъ разрѣшеніе вина и елея!

КУЗЬКИНЪ.

Не лафа сегодня, нельзя, потому что еще въ одно мѣсто медаль везти нужно.

СТЕПАНОВЪ.

Ужъ больно мнѣ угодить-то тебѣ хочется. Хочешь, такъ даже дочь родную, можно сказать, единородную дочь, и ту за тебя отдамъ.

КУЗЬКИНЪ.

Отчего же-съ, это можно. Барышня вы согласны?

НАСТЯ.

Ни за что на свѣтѣ!

СТЕПАНОВЪ.

Ну вотъ, стоитъ спрашивать! Бери изъ полы въ полу!

АННА КИРИЛЛОВНА *(подходя къ Настѣ).*

Настасья, да что ты одурѣла, что ли?

НАСТЯ *(тихо).*

Ахъ, оставьте маменька! Дайте интригу сдѣлать.

КУЗЬКИНЪ *(Настѣ).*

Барышня, на колѣнахъ васъ умоляю! *(Становится на колѣни).*

СТЕПАНОВЪ.

Полно, ваше благородіе, брось! Дѣло поконченное. Скажи лучше, какъ зовутъ-то тебя?

КУЗЬКИНЪ.

Пименъ Захаровъ Кузькинъ. А васъ какъ величать?

СТЕПАНОВЪ.

Иванъ Степановъ сынъ Степановъ.

КУЗЬКИНЪ.

Какъ Иванъ Степановъ? Что-то, братъ, не такъ. Ты врешь! Нѣтъ ли тутъ подвоху какого?

СТЕПАНОВЪ.

Что-жъ, имя какъ имя. Какой же тутъ подвохъ?

КУЗЬКИНЪ.

Нѣтъ, шалишь, не тѣмъ пахнетъ! Гдѣ бумага, что я тебѣ далъ? Стой, погоди! Эти фокусы такъ не проходятъ. Давай бумагу!

СТЕПАНОВЪ *(подаетъ ему бумагу)*.

Вотъ она.

КУЗЬКИНЪ *(читаетъ)*.

Бупцу Харлампию Кузьмину Степанову. Такъ ты не Харлампій Кузьминъ?

СТЕПАНОВЪ.

Никакъ нѣтъ-съ. Харлампій Кузьминъ Степановъ живетъ надъ нами, выше...

КУЗЬКИНЪ.

Выше? Такъ хорошо же! Такъ какже ты смѣлъ послѣ этого чужую медаль принимать? Нешто она тебѣ слѣдуетъ?

СТЕПАНОВЪ.

Ваше благородіе, помилуйте! Вѣдь вы сами-же мнѣ ее привезли и отдали.

КУЗЬКИНЪ (*наступая*).

Нѣтъ, спрашивается: какую ты имѣлъ праву ее брать? Да, знаешь ли, за этотъ пассажъ гдѣ тебѣ мѣсто?

СТЕПАНОВЪ.

Помилосердуйте, ваше благородіе! Сами же вы и надѣвали ее на меня; сами и бороду мнѣ стригли. Нешто я тутъ въ чемъ причиненъ?

НАСТЯ.

Ахъ, какой срамъ!

КУЗЬКИНЪ.

Нѣтъ, ты мнѣ скажи, какую ты за собой провинность чувствуешь? За что тебѣ медаль? Нешто медали такъ зря человѣку даются?

СТЕПАНОВЪ.

Помилуйте, ваше благородіе, я тоже жертвовалъ. По запрошлый годъ, передъ парадомъ, солдатъ въ Ямской водкой поилъ и въ ноги имъ кланялся. Пять ведеръ споилъ!

КУЗЬКИНЪ.

Пять ведеръ? Нѣтъ, братъ, ты такъ не отвертись. Въ тюрьму тебя! Въ рабочій домъ! Въ арестантскія роты! Подай медаль!

СТЕПАНОВЪ (*отдаетъ ему медаль*).

Ваше благородіе, будьте милостивы! Жена, дѣти...
Сами зятемъ хотѣли быть.

КУЗЬКИНЪ.

Какимъ зятемъ! Я три года женатъ. Вишь, что
выдумалъ. (*Беретъ фуражку и идетъ къ сред-*
нимъ дверямъ). Засужу за эту штуку! Въ гробъ
вколочу! (*Уходитъ*).

СТЕПАНОВЪ.

Вотъ до чего дожили! И бороду остригли, и сраму
натерпѣлся, да еще что впереди-то! (*Машетъ рукой*).
Узнаютъ въ рынкѣ, такъ проходу давать не будутъ.
Да и какъ не узнать?! Сейчасъ, первый вопросъ: гдѣ
борода? Что въ отвѣтъ-то скажешь?

НАСТЯ.

А все вы, папенька, съ вашей пужливостью. Нешто
не могли по обстоятельнѣе пораспросить?

АННА КИРИЛЛОВНА.

Вотъ срамъ-то! Чтожъ мы будемъ теперь дѣлать?

СТЕПАНОВЪ.

А вотъ что... (*Подходитъ къ столу и пьетъ*
рюмку водки).

КУЗЬКИНЪ (выглядываетъ изъ
среднихъ дверей въ
шинели и фуражкѣ).

Смотри, стриженная борода, даромъ тебѣ это не
пройдетъ! Туда упеку, куда и Макарь телятъ не за-
гонялъ.

(Степановъ всплескиваетъ руками. Анна Ки-
рилловна плачетъ).

ЗАНАВѢСЬ.

НА СЛУЧАЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.

ШУТОЧНЫЯ СЦЕНЫ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Михей Ивановичъ Костяевъ, купецъ лѣтъ 45-ти.
Матрена Андреевна, его вторая жена 28 лѣтъ.
Груша, дочь Михѣева отъ перваго брака 19 лѣтъ.
Иванъ Усталовъ, прикащикъ Михѣева, молодой человѣкъ.
Мавра, кухарка.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ.

Театръ представляет гостиную въ домѣ Михѣева. Двѣ двери: въ срединѣ и на лѣво. Мягкая мебель, фортепьяно. При поднятіи занавѣса Матрена Андреевна и Груша сидятъ за столомъ на диванѣ и ѣдятъ кедровые орѣхи. Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА И ГРУША.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Что это, какая тоска, право!.. Десятый часъ, а Михѣя Иваныча все еще нѣтъ. Даже подъ сердцемъ какъ то неловко—и какое-то дрожаніе и замираніе во всемъ тѣлѣ. Ужъ не случилось ли чего?.. хотѣлъ въ шесть часовъ придти... Собери, говоритъ, бѣлье къ 6 часамъ: ириду и пойду въ баню. Вѣрь послѣ этого... Я и бѣлье собрала и перцовки ему тереться приготавила, а онъ на-поди! до сихъ поръ...

ГРУША.

Найдется, маменька. Господи! Неужто вы не знаете паленьку? Запутался гдѣ нибудь въ трактирѣ съ знакомыми, ну и конецъ!

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Вотъ этого то я и боюсь. У него ужаси какой нравъ, когда ежели не въ своемъ видѣ. Онъ можетъ,

Богъ знаетъ, какихъ глупостей надѣлать. Помнишь, какъ онъ по веснѣ на тоняхъ въ одежѣ въ воду бросился? А изъ-за чего? Передъ пріятелями хотѣлъ похвастаться. Загадать развѣ объ немъ на картахъ? (*Беретъ колоду картъ*).

ГРУША.

Да развѣ могутъ карты правду сказать, коли вы на нихъ по десяти разъ въ день гадаете? Нужно гадать не болѣе трехъ разъ въ день. Такъ и въ оракулѣ сказано.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

А ты много ли разъ сегодня гадала?

ГРУША.

Два раза.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Такъ загадай ты отъ себя; тогда правду скажутъ.

ГРУША.

Ну вотъ! Я свой разъ для чего нибудь лучшаго сберегу. Ужо—на ночь загадаю.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Эка дура! Такъ развѣ отецъ-то тебѣ не лучший?

ГРУША.

Я папеньку люблю, только для чего-же я для него буду тратить свой послѣдній, третій разъ, коли я и безъ того знаю, что онъ найдется.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Съ тобой не сговоришь, потому съ тобой говорить все одно что воду въ ступѣ толочь. (*Раскладываетъ карты*). Ахъ, какая тоска! Господи, ужъ не попалъ бы онъ грѣхомъ въ часть! Нынче насчетъ буянства-то очень строго. По зимѣ, вонъ, онъ чиновника въ трактирѣ только за носъ схватилъ, такъ чего стоило!.. Такъ и есть... девятка пикъ — пьянство и тутъ пикъ — казенный домъ, часть... Ахъ, ты Господи! Такъ и есть попалъ въ часть... И зачѣмъ я только гадала! (*Сбиваетъ карты. Молчаніе*). Ахъ, какая тоска и скука! Хоть бы съѣсть чего, что ли? Не послать ли Мавру за клюквой? кисленькаго-то оно хорошо...

ГРУША.

Ну вотъ!.. что за клюква! Пошлите лучше купить фунтъ подсолнечныхъ зеренъ.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Опять подсолнечныхъ зеренъ? Да вѣдь ты съ часъ назадъ только полтора фунта ихъ съѣла. И какъ въ тебя, Груша, это только лѣзетъ?

ГРУША.

Въ меня то лѣзетъ? Да вспомните, сколько вы сами-то сегодня всякаго добра съѣли!

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

А сколько? Ну-ко, скажи. Видно только и умѣешь,

что на другомъ человѣкѣ считать. А ты прежде считай на себѣ...

ГРУША.

Да какже... по утру, до обѣда вы съѣли фунтъ красной смородины; потомъ, послѣ обѣда фунтъ крыжовнику, половину вязанки винныхъ ягодъ и вотъ теперь вечеромъ, ожидая папеньку, — глубокую тарелку кедровыхъ орѣховъ, на гривенникъ меду, вяземскій пряникъ, да отъ меня нѣсколько горстей зеренъ съѣли. Да... забыла еще, послѣ обѣда макъ ѣли.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Макъ я ѣла потому, что-бы спать крѣпче, потому у меня по ночамъ безсонница.

ГРУША.

У васъ безсонница? Да вы сегодня послѣ обѣда часа четыре спали.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Такъ что-жъ, что послѣ обѣда спала? За то по ночамъ у меня безсонница. Какъ ляжешь, такъ иногда часъ цѣлый не можешь уснуть и только заведешь глаза, какъ вдругъ точно какія-то руки начнутъ по всему тѣлу ширить, ну и проснешься. А тамъ опять цѣлые полъ часа засыпать надо. (*Молчаніе*). Нѣтъ, ужъ ты тамъ какъ хочешь, а я пошлю за клюквой, потому тоска... (*срнчшиг*) Мавра!

ГРУША.

Такъ ужъ пошлите и мнѣ за подсолнечными зернами.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Ладно. Только поди позови Мавру.

ГРУША.

Лѣнь, маменька. Кажись съ мѣста бы не поднялась.
Лучше крикните.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Теперь ужъ ты крикни. Я кричала. Мнѣ и такъ тяжело.

ГРУША.

Все я, да я! (*Кричитъ*) Мавра! Мавра!

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Ахъ какая безпутная женщина! Вѣрно ушла куда нибудь. Крикни еще разъ.

ГРУША.

Что-жъ я буду зря-то кричать? Лучше немного погода крикну.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Ахъ, какая лѣнивая! Что въ тебѣ этой лѣни!..
Страсть! Мавра!

(*Голосъ за кулисами „Ау“.*)

ЯВЛЕНІЕ П.

ТѢ-ЖЕ И МАВРА.

МАВРА (*входя*).

Чего раскричались-то? Здѣсь не въ лѣсу. Что надѡ?

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Гдѣ ты шаталась? докричатся невозможно.

МАВРА.

Да, распатаешься у васъ, какже...

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Куда же нибудь ты шлялась? Гдѣ была?

МАВРА.

На Семихатовъ дворъ бѣгала. Тамъ изъ трубы выкинуло и на чердакѣ загорѣлось. Да нешто при вашей лошадиной работѣ что путное увидишь! Позамѣшкалась въ кухнѣ, прибѣжала туда, а ужъ тамъ все и залили. И пожарные со двора съѣзжаютъ. Съ вашей работой второй пожаръ зѣваю. Такая, досада что и сказать не могу! Прошлый разъ генерала по нашей улицѣ хоронить везли и тутъ прозѣвала.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Охота тебѣ это бѣгать! Кажется я за эту бѣготню никакихъ бы денегъ не взяла. Поди въ мелочную лавку, купи на гривенникъ клюквы и фунтъ зернышекъ.

МАВРА.

Какая теперь клюква, коли сейчасъ ужинъ подавать надо. Вотъ сейчасъ и молодцы изъ лавки пришли. Не ночь же мнѣ около печи стоять!

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Молодцамъ подавай ужинать, а мы будемъ ждать Михѣя Иваныча.

МАВРА.

Ну, дождетесь его къ свѣту. Поди, ужъ онъ по трактирамъ всякихъ разносоловъ нахлѣбался.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Да мнѣ безъ него и кусокъ-то въ горло не пойдетъ.

МАВРА.

Да куда-жъ и идти-то ему, родная, коли ты даве за чаемъ двѣ филиповскія сайки въ себя убрала?

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Ахъ Мавра, Мавра, какая ты грубіянка, посмотрю я на тебя. Тебѣ только и дѣло куски мои считать Ты на себя то лучше обернись да посмотри, чѣмъ у тебя-то зобъ набить. Вѣдь лопнуть хочетъ.

МАВРА.

Вишь вѣдь ты до чего досидѣлась: что твоя на-сѣдка сдѣлалась! Такъ тебя къ землѣ и тянетъ. Хоть бы въ окошко взглянула, такъ тебя, по крайности, вѣтромъ бы пообдуло.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Вѣтромъ? Еще простудишься, чего боже оборони.

МАВРА.

Чего студить-то? Одинъ жиръ. До мяса-то и не прохватить. Тебя въ Крещеньевъ день въ прорубѣ купать, такъ и то въ самый разъ.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Иди, иди ругательница! (*Мавра уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА И ГРУША, *потомъ* усталовъ.

ГРУША (*потягиваясь*).

Хотѣла своему предмету цѣдулку написать, да лѣнь страшная. Лучше ужъ какъ нибудь на словахъ передамъ.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Сказать отцу, такъ за эти цѣдулки-то онъ тебѣ такъ задастъ, что и своихъ не узнаешь.

ГРУША.

Не бойтесь, не осрамлю. Предметъ мой въ нашемъ же домѣ, а не въ чужомъ. Да къ тому же онъ мѣтитъ на счетъ законнаго брака, такъ какъ отъ дяденьки капиталъ получилъ.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Срамница!

ГРУША.

Пожалуйста! Ужъ кто бы говорилъ да не вы. Нѣшто я не помню, какъ вы третьяго года нашему прикащику Дмитрію Захарову, бисерный кошелекъ связали и подарили?

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Вотъ кабы мнѣ не лѣнь, такъ я бы тебѣ за эти слова языкъ твой вырвала!

ГРУША.

Посмотрѣла бы я какъ вы вырвали. Руки коротки!

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Ну, ужъ довольно, довольно! давай молчать.

(Входитъ Усталовъ).

УСТАЛОВЪ.

Матренѣ Андреевнѣ... Аграфенѣ Михѣевнѣ...

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Заперлись уже?

УСТАЛОВЪ.

Съ часъ мѣста какъ заперлись.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

А Михѣй Иванычъ?

УСТАЛОВЪ.

Не знаю съ. Они часовъ эдакъ въ пять отправились съ сосѣдами въ трактиръ, и не возвращались, а только, значитъ, часовъ эдакъ въ семь, прислали изъ трактира мальчишку, сказать, чтобъ мы запирались.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

А на счетъ бани ничего онъ не говорилъ?

УСТАЛОВЪ.

На счетъ бани и разговору не было.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Какъ же такъ? А я и бѣлье и перцовку приготовила...

УСТАЛОВЪ.

Объ этомъ мы не извѣстны.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

А не спрашивалъ ты у этого самаго мальчишки: Каковъ онъ? Тверезъ или хмѣленъ?

УСТАЛОВЪ.

Помилуйте, Матрена Андреевна, нешто это возможно? Мы ежели и видимъ что, такъ замѣчать не должны,

потому они хозяева, а мы прикащики. А тутъ вдругъ спрашивать!..

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Ну, ступай! (*Усталовъ отходитъ и дѣлаетъ какіе то знаки Грушѣ. Та киваетъ ему*). Ты что это тамъ руками размахиваешь?

УСТАЛОВЪ.

Руку что-то свело-съ, такъ разминаю. Надо статья въ лавкѣ надуло маленько.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

То-то... А то нечего здѣсь махать! Иди-знай... (*Усталовъ дѣлаетъ Грушѣ еще разъ какой-то знакъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА, ГРУША И МАВРА.

МАВРА (*входитъ съ двумя тарелками и ставитъ ихъ на столъ*).

Нате, наслаждайтесь, жуйте!..

ГРУША.

Маменька, да пугните ее хорошенько. Что она въ самомъ дѣлѣ грубить.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Лѣнь, Грушенька; а то неужто я позволила бы надъ-собой всякой бабѣ надругаться?! (*Мавръ*). Иди отъ грѣха. Скройся съ глазъ моихъ.

МАВРА.

Не трону васъ. Кисните тутъ хоть всю ночь. (*Уходитъ и потомъ возвращается*). Что-жъ ужинать-то будете, что-ли?

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Не буду я.

ГРУША.

А мнѣ такъ поставь на комодъ въ мою комнату, кусочекъ телятинки. Ужо спать ложиться буду, такъ можетъ и съѣмъ. (*Мавра уходитъ*).

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА (*пстѣ клюкву*).

(*Груша*). Ты не всѣ подсолныхи-то ѣшь. Оставь и мнѣ немножко. Ахъ ты, Господи, вѣдь вотъ ѣшь, а сердце не на мѣстѣ. Такъ и думается объ Михѣѣ Иванычѣ, такъ и представляется, что сидитъ онъ въ трактирѣ и около него арфянки прыгаютъ.

ГРУША.

Ну, маменька, кажется папенька до этого не охотникъ.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Не знаешь ты мужчинъ, милая. Пьяные-то они всѣ

до этого охотники. (*Помолчавъ*). Ахъ ты Господи: хоть бы пришелъ онъ скорѣй... Сонъ такъ и клонить, а безъ него спать не могу. (*Слышенъ звонокъ*).

ГРУША.

Ну вотъ онъ и нашелся! Чего плакали?

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Все сердце оборвалось. Дай то Богъ, кабы онъ, да тверезый. Да нѣтъ, не онъ... Загадать развѣ на пальцахъ?

(*Входитъ Костяевъ замѣтно на веселъ. Одѣтъ въ современный костюмъ. Круглая борода коротко подстрижена. Черная шляпа надѣта на бекрень.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА, ГРУША И КОСТЯЕВЪ.

КОСТЯЕВЪ (*цѣлуя жену и дочь*).

Здравствуйте. Загулялся маленько. Такое дѣло вышло, то есть такое дѣло, что ежели, Мотя, ты узнаешь его, такъ даже похвалишь и рада будешь. (*Садится*).

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Не стыдно это тебѣ? Хотѣлъ въ баню и вдругъ до этихъ поръ... и въ эдакомъ видѣ!

КОСТЯЕВЪ (вскрикивая).

Въ какомъ видѣ? Видѣ, какъ есть видѣ. Самый свѣжій. Хочешь, такъ даже дыхну на тебя... конечно немного водкой пахнетъ... тольео вѣдь отъ меня завсегда пахнетъ. Давеча вонъ на сюртукѣ пятна водкой выводили... А видѣ совсѣмъ свѣжій.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Ужъ коли бы былъ свѣжій видѣ, такъ ты бы не забылъ въ горницѣ шляпу снять.

КОСТЯЕВЪ (спохватясь, снимаетъ съ головы шляпу).

Что-жъ что въ шляпѣ? Шляпа тутъ не причеиъ. Хорошая чистая шляпа. Вотъ ежели бы я ее въ грязи вывалялъ. (*Одушевляясь*). Ахъ, Мотя, ежели бы ты знала, гдѣ я былъ, такъ не такъ бы говорила. Былъ я съ Бондыревымъ въ Александровскомъ паркѣ и смотрѣлъ нашего русскаго знаменитаго акробата, а бывшаго полотера, Егора Васильева. То есть, Господи изъ простыхъ русскихъ мужиковъ и вдругъ да эдакой высоты!.. Идетъ это, голубчикъ, въ простой—русской сержягѣ и лаптяхъ по канату. Ужасъ и уиленіе! Мы съ Бондыревымъ даже въ слезы... потому простой русскій человекъ и вдругъ на эдакой высотѣ!.. Ну, какъ тутъ не посмотреѣть? Нѣмцевъ же смотримъ? А тутъ въ первый разъ нашъ русскій... Ну, какъ не поддержать?

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Бого бы ты тамъ не смотрѣлъ, а только зачѣмъ было обѣщаться придти раньше и не исполнить?

КОСТЯЕВЪ.

Нѣтъ, ты мнѣ скажи: слѣдовало его поддержать или не слѣдовало? Нѣмецъ у насъ все выдумалъ: и пароходы, и порохъ, и чугунокъ, и машины разныя, и лекарства, и обезьяну, и вдругъ простой русскій...
Слѣдовало поддержать или нѣтъ?

ГРУША.

Я читала, папенька, что русскій самоваръ выдумалъ...

КОСТЯЕВЪ.

Не мѣшай! Спрашивается: слѣдовало поддержать?

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Да чѣмъ же вы его поддерживали? Водкой, что-ли, что ты такъ глаза-то налилъ?

КОСТЯЕВЪ.

Какъ водкой? Фору кричали, бисъ. А что на счетъ водки, такъ это потомъ, потому нельзя... такая сырость, что бѣда! Ну-съ... Прошелъ это онъ по канату разъ въ сермягѣ, потомъ эту сермягу снялъ и на обратномъ пути нагишомъ.

ГРУША.

Ахъ, срамъ какой! И дамы были?

КОСТЯЕВЪ.

То есть не нагишомъ, а въ трикѣ... Трика такая на немъ, какъ будто голое тѣло и эти мѣста, значить, блестятъ, блетски все. Ослѣпленіе да все тутъ! Даже глазамъ больно смотрѣть. Ну, мы съ Бондыревымъ не выдержали и въ буфетъ. А въ буфетѣ нешто можно не пивши сидѣть? Пожалуй и выгонять. Ну, и выпили... Ты возьми одно: простой русскій человѣкъ, бывшій полотеръ!..

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Да ну его! Пора спать. А то заладилъ одно да и твердить.

КОСТЯЕВЪ.

Нѣтъ, Мотя, русскаго человѣка поддерживать надо... И то насъ нѣмцы заѣли... а то вдругъ простой русскій... Ей-ей, грѣхъ! Мы что? Мы простые рыночники, а тамъ было одиннадцать генераловъ. Самъ считаль... Такъ и тѣ фору кричали и въ ладоши хлопали. Такъ знаешь за нимъ и ходятъ: Егоръ Васильичъ! Егоръ Васильичъ! а онъ это съ папироской въ зубу и все отъ нихъ прочь. Нѣтъ, какъ ты хочешь, а это хорошо. Вотъ онъ теперь по зимамъ полотерствомъ промыслять будетъ, а лѣтомъ по канату... И почетъ и деньги. А нашему брату что? Какой почетъ? Нѣтъ, Мотя, хорошо, кто какое ремесло знаетъ...

Вотъ хоть бы нашъ братъ. Пошла торговля худо, обанкрутился и сѣлъ какъ ракъ на мели, а коли какое ремесло знаешь, такъ сейчасъ за него и ухватишься. На случай несостоятельности ежели, такъ это очень хорошо. Знаешь, Мотя, я даже самъ хочу поучиться...

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА (*какъ бы очнувшись*).

Чему это? По канату-то ходить, что-ли?

КОСТЯЕВЪ.

А хоть бы и по канату? Коли простой русскій мужикъ ходить, а мы все таки купцы.

ГРУША.

Папенька, да что съ вами? Вы и вдругъ по канату...

КОСТЯЕВЪ.

А что-же? Что-же тутъ такого срамнаго? Ремесло и больше ничего. Вѣдь это на случай несостоятельности. Для васъ же, дуры, хлопочу; что-бы вамъ не пришлось по міру идти, ежели я обанкручусь.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Да ты совсѣмъ съ ума сошелъ.

КОСТЯЕВЪ.

Ни чуть не бывало. Это даже нынче въ модѣ. Вездѣ вонъ гимнастическія общества есть. Я думаю,

даже и вамъ обѣимъ не мѣшало бы приучаться, потому человѣку никакое ремесло не мѣшаетъ.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА (*всплескивая руками*).

Батюшки, да что-же это такое? Гдѣ мы? Въ сумасшедшемъ домѣ, что ли?

ГРУША.

Ну, папенька, ужъ этого вы ни за что не дождетесь. Хоть вы меня на семь кусковъ изрѣжьте, такъ и тогда этого небудетъ.

КОСТЯЕВЪ.

Врешь, врешь! Нынче это въ модѣ. И дамы по канату ходятъ. Цѣлыми семействами ходятъ. Есть акробаты: семейство Вейнертъ, семейство Брацъ, семейство Соломонскихъ, такъ отчего же не быть семейству Костяевыхъ? Одно только, что тѣ нѣмцы, а мы рускіе. Такъ неужто намъ отъ нѣмцевъ отставать? За то какъ хорошо! На какой высотѣ! И почетъ.... (*Груша*) Я даже думаю тебя за акробата и за мужъ-то выдать.

ГРУША.

А я сбѣгу...

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Отпейся ты хоть квасомъ-то. Вишь, какъ оболдѣлъ!

КОСТЯЕВЪ.

Зачѣмъ мнѣ отпиваться, коли я свѣжъ какъ голу-
бица. *(Выбираетъ на полу половицу и идетъ
по ней, балансируя руками).*

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Что это ты ломаешься?

КОСТЯЕВЪ.

Не ломаюсь я, а хочу попробовать по этой поло-
скѣ пройти будто по канату.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Ты ляжешь спать сегодня?

КОСТЯЕВЪ.

Конечно, лягу. Ну, пойдемъ; это я могу и въ спаль-
ной сдѣлать.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Ну ужъ на счетъ спальни стѣлуй, потому я не
дамъ ее поганить плясаніемъ. *(Крехтя, встаетъ съ
мѣста, и, переваливаясь съ ноги на ногу, идетъ
къ дверямъ на право).*

КОСТЯЕВЪ *(слѣдуя за женой).*

Ахъ ты, Господи! И путное что нибудь задумаешь,
такъ и тутъ тебѣ мѣшаютъ! Вотъ бѣда-то! *(Ухо-
дитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГРУША И ПОТОМЪ УСТАЛОВЪ.

ГРУША (*потягиваясь, встаетъ съ мѣста*).

Показывалъ мнѣ давеча Иванъ что-то руками, а что показывалъ—ничего не поняла. Нужно будетъ его спросить объ этомъ. Прежде свѣчку загасимъ. Такъ-то оно будетъ лучше. (*Гаситъ свѣчку. На сценѣ дѣлается темно*). Ну, а теперь постучимъ и вызовемъ его сюда. (*Подходитъ къ стѣнѣ около средней двери и стучитъ въ нее. Слышенъ отъѣтный стукъ*). Услыхалъ. Экой чуткій! А хорошій онъ парень! Любитъ погулять иногда... Да вѣдь нынче совсѣмъ-то не пьющаго и не найдешь. (*Входитъ Усталовъ*). Что ты мнѣ давеча руками махалъ? Ничего не разобрала.

УСТАЛОВЪ.

А вотъ что... (*цѣлуетъ ее*).

ГРУША.

Опять отъ тебя виномъ пахнетъ!

УСТАЛОВЪ.

Ужъ безъ этого не могу. Съ тѣмъ возьмите, годъ носите и починка даромъ! Да что-жъ тебѣ изъ этого. Вѣдь на ногахъ стою твердо, глупостевъ не говорю. *(Киваетъ на дверь на лѣво. Улеглись, что-ли?)*

ГРУША.

Улеглись.

УСТАЛОВЪ.

Я давеча показываль, что поговорить съ тобой хочу. Вотъ въ чемъ дѣло... Надо, чтобъ завтра всему дѣлу конецъ былъ. Въ открытую за тебя свататься буду. Потому, что ужъ мнѣ воровъ-то сюда прокрадываться надоѣло. Да и чего ждать? Деньги послѣ дяди я не сегодня, такъ завтра получу. Теперь нужно только подыскивать, гдѣ бы лавку снять.

ГРУША.

А у насъ сегодня папенька совсѣмъ сдурился. Говорить, что за акробата меня за мужъ отдать хочеть.

УСТАЛОВЪ.

Да что съ нимъ? Аль того? *(Хлопаетъ себя по галстуку).*

ГРУША.

Того-то-того да не очень... А дѣло въ томъ, что смотрѣлъ онъ сегодня въ паркѣ акробата Егора Ва-

сильева... Ну и сдурился... Понравилось очень. Самъ хочетъ учиться по канату ходить. Это, говорить, хорошо будетъ на случай несостоятельности, потому, говорить, всегда вѣрный кусокъ хлѣба.

УСТАЛОВЪ.

Вотъ потѣха-то!

ГРУША.

Такъ ужъ ты сватайся завтра. Ты имѣешь полное право. У тебя теперь деньги есть. А я и мачихѣ скажу, чтобъ она за насъ слово замолвила. (*За кулисами слышенъ голосъ Матрены Андреевны.* „Не позволю я тебѣ здѣсь прыгать! Гаси свѣчку и ложись спать. Или иди въ гостиную и пляши тамъ хоть до утра“).

УСТАЛОВЪ (*живая на дверь*).

Не спать. Убираться по добру по здорову!

ГРУША.

Иди, иди, и я уйду. (*Уходятъ въ среднія двери. Изъ дверей на лѣво выходятъ Костяевъ и Матрена Андреевна. Костяевъ безъ сюртука въ туфляхъ и со свѣчей въ рукѣ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

КОСТЯЕВЪ И МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Вотъ здѣсь можешь хоть до утра прыгать, а спальню я не дамъ поганить. Здѣсь хоть на головѣ ходи. Что за канаты такіе!..

КОСТЯЕВЪ.

Вотъ дура-то! Все это я для нея только и дѣлаю, а она на поди!.. Ты думаешь мнѣ это легко? Охъ, какъ трудно! А все изъ любви къ тебѣ. Чтобъ на случай несостоятельности кусокъ хлѣба былъ.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Что бы тамъ не было, а все таки я въ спальнѣ кувыраться не позволю.

КОСТЯЕВЪ.

А я здѣсь не хочу, а хочу въ спальнѣ!

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

А я спать хочу. Ты будешь шумѣть, я могу испугаться и на вѣкъ несчастной сдѣлаться. Я языка могу, съ перепугу, лишиться.

КОСТЯЕВЪ.

Эки телячьи нѣжности! Ложись тогда здѣсь на диванѣ, а меня пусти въ спальную, потому спальная моя.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Твоя спальная, а моя кровать и мебель. Я все это въ приданое принесла, а не ты купилъ.

КОСТЯЕВЪ.

Анъ врешь! Все мое. Ты моя и всѣ твои вещи мои. Хочу масло пахтаю, хочу съ кашей ѣмъ! Ложись здѣсь, а я туда пойду. *(Отталкиваетъ ее отъ двери).*

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА *(садится на диванъ и плачетъ).*

Наобнимался тамъ въ трактирѣ съ мерзавками-то, такъ и жену съ постели гонишь.

КОСТЯЕВЪ.

Вотъ наказаніе-то! Да пойми ты, что я ремеслу учиться хочу.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Не хочу я знать твоего поганого ремесла! Что за паярецъ такой!

КОСТЯЕВЪ.

А вотъ хочу быть паярцемъ и буду! И ты будешь паярка.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Ой, тошно! тошно! (*Падаетъ на диванъ*).

КОСТЯЕВЪ (*подбѣгаетъ къ ней*).

Ну, Мотя, полно! Успокойся, я пошутилъ. Иди, ложись въ себѣ въ спальную, а я здѣсь останусь. Я пошутилъ. Ну, пойдемъ я тебя проведу. (*Подводитъ ее къ дверямъ на право*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КОСТЯЕВЪ (*одинъ*).

Вотъ капризная-то женщина! Наказаніе эдакую бабу женой имѣть! Дѣлать нечего, надо здѣсь упражняться. (*Ставитъ на полъ свѣчу, отыскиваетъ половицу и дѣлаетъ на ней шага два, балансируя руками*). Стой! Сбился... Сначала начнемъ. Волосы только все на лобъ слѣзаютъ и мѣшаютъ. Нужно бы ремешекъ на голову надѣть. Да гдѣ его теперь возьмешь-то? Развѣ шляпу надѣть? (*Беретъ со стола шляпу и надѣваетъ ее*). Вотъ такъ лучше. Теперь не мѣшаютъ. Теперь одно, — балансъ гдѣ нибудь добыть, потому безъ баланса невозможно. Такъ тебя и шатаетъ изъ стороны въ сторону. Гдѣ бы мнѣ балансъ взять?.. (*Задумывается*). Ба! нашель! Вѣдь вотъ иногда думаешь, думаешь, а тутъ сразу! нашель. (*Под-*

ходитъ къ дверямъ, приотворяетъ ихъ и кричитъ): Мотя, гдѣ у насъ кочерга? (*Голосъ Матрены Андреевны*: „На что это тебѣ кочерга въ эту пору понадобилась?“) А вмѣсто баланса; потому безъ балансу и по канату невозможно... (*Матрена Андреевна выпихиваетъ изъ двери кочергу*: „На, подавись!“). Ничего безъ [попреку!.. И вѣдь, не понимаетъ, что все это для нея. (*Беретъ кочергу*). Ну теперь лучше будетъ. (*Ходитъ по половицѣ, подражая акробатамъ, считая: разъ, два, разъ, два и наигрывая на губахъ маршъ. Входитъ Усталовъ и останавливается у дверей*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

КОСТЯЕВЪ И УСТАЛОВЪ.

КОСТЯЕВЪ (*увидавъ Усталова*).
Ты зачѣмъ сюда?

УСТАЛОВЪ.

Слышу, что кто-то копошится здѣсь, такъ думалъ, что воры, а теперь на васъ люблюсь.

КОСТЯЕВЪ.

А что, хорошо?

УСТАЛОВЪ.

Очень прекрасно. Я, Михѣй Ивановичъ, эти вещи и самъ до смерти люблю.

КОСТЯЕВЪ.

Врешь?!

УСТАЛОВЪ.

Теперича, — ежели стулъ или иную какую мебель —
завсегда на зубу держать могу.

КОСТЯЕВЪ.

А ну-ко, поддержи!

УСТАЛОВЪ.

То есть стулъ не стулъ, а половую щетку въ луч-
шемъ видѣ!

КОСТЯЕВЪ.

Эка важность щетка! А ты вотъ по канату пройди.

УСТАЛОВЪ.

Что-жъ тутъ мудренаго? Одна ловкость и больше
ничего! Только, Михѣй Ивановичъ, вы вотъ что... вы
не такъ ходите. Ужъ коли приучаться, такъ надо по
настоящему: взять заправскій канатъ или веревку ка-
кую ни на есть потолще, разостлатъ ее по полу, да по
ней и ходить.

КОСТЯЕВЪ.

Хорошо-то, хорошо, только гдѣ ее теперь возьмешь?

УСТАЛОВЪ.

Экъ хватили! Найдемъ. Съ чердака снять можно,
да и въ кухнѣ, подъ печкой, сколько угодно валяется.

КОСТЯЕВЪ.

Вотъ за это спасибо! Вотъ за это люблю! У тебя, братъ Иванъ, голова съ мозгами. Съ будущаго мѣсяца считай пять рублей прибавки.

УСТАЛОВЪ.

Благодаримъ покорно. Досадно только, Михѣй Ивановичъ, что вы мнѣ раньше объ этихъ самыхъ канатахъ ничего не сказали, потому я самъ къ этому пристрастіе имѣю и пріучаться хочу. Одно къ одному ужъ: и паклю зажженую ѣсть, ленты изо рта вытаскивать и водку со стекломъ глотать...

КОСТЯЕВЪ.

Неужто ко всему пріучаться будешь?

УСТАЛОВЪ.

Сейчасъ умереть, ко всему. Потому ломаться, это для меня первое удовольствіе.

КОСТЯЕВЪ.

Голубчикъ, да какъ же я раньше-то объ этомъ не зналъ? Ну, Иванъ, теперь ты будешь не молодецъ мнѣ, а просто другъ! Наймемъ акробата въ учителя, кушимъ себѣ по трику и будемъ пріучаться... Это, братъ, ужъ не то что торговля! Тутъ вѣчный кусокъ хлѣба. Тащи канать!

УСТАЛОВЪ.

Живымъ манеромъ! (*Уходитъ*).

КОСТЯЕВЪ.

А вѣдь парень-то съ головой. Ей Богу, съ головой! Съ эдакимъ парнемъ мы и нѣмцу, акробату, ность утремъ. Что въ самомъ дѣлѣ! Будетъ имъ отъ насъ хлѣбъ-то отбивать.

УСТАЛОВЪ.

Вотъ и канатъ-съ... Да кстати я и кусокъ мѣлу захватилъ, потому безъ мѣлу ходить не возможно.

КОСТЯЕВЪ.

Вотъ молодецъ! Молодецъ! Ай да Ваня!

УСТАЛОВЪ.

Теперь мы этотъ канатъ разстелимъ по-полу. (*Разстилаетъ канатъ*). Теперь давайте я вамъ ноги помѣлю... (*Становится на колѣни и мѣлитъ ему подошвы*). Вы полегче, въ зубы-то не очень лягайтесь, — успѣемъ! Ну, теперь все въ своемъ видѣ. Только одно — музыки нѣтъ.

КОСТЯЕВЪ (*воспламеняясь*).

Будетъ музыка! Зови Грушу. А коли спать, такъ стучись въ дверь и буди. Пусть она на фортушьянахъ играетъ.

УСТАЛОВЪ.

Въ моментъ-съ! (*Убѣгаетъ въ среднюю дверь и тотчасъ же возвращается*). Да онѣ не спятъ-съ а стоятъ у комода и что-то ѣдятъ. Сейчасъ придутъ-съ.

КОСТЯЕВЪ.

Знаешь, Ваня, что я думаю? Думаю пройти съ связанными глазами, какъ Блондентъ ходилъ. Ужъ коли ходить, такъ ходить во всю!

УСТАЛОВЪ.

Прелюбезное дѣло будетъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

КОСТЯЕВЪ, УСТАЛОВЪ И ГРУША.

ГРУША.

Что это за фокусы такіе? На что это я вамъ ночью понадобилась? Покою не даете.

КОСТЯЕВЪ.

Ну, Аграфена, не ворчи, а сослужи ты теперь отцу службу... сыграй на фортупьянѣ персидскій маршъ, а я по канату попробую ходить.

ГРУША.

Все еще не опомнились? Да вы бы спать шли.

КОСТЯЕВЪ.

Не твое дѣло! Не разсуждай! Садись и играй персидскій маршъ; я приказываю, коли ты честью не слушаешься!

ГРУША.

Да лѣнь. И вздумать не могу... Кажись, и пальцы двигаться не будутъ.

КОСТЯЕВЪ (строго).

Аграфена!

УСТАЛОВЪ.

Сыграйте Аграфена Михѣвна. Не искушайте вашего тятеньку во гнѣвъ. (*Груша садится за фортепьяно*).

КОСТЯЕВЪ (становится на канатъ).

Усталовъ есть у тебя платокъ? Завяжи мнѣ глаза.

УСТАЛОВЪ.

Есть-съ. Фуляръ первый сортъ. Въ лучшемъ видѣ завяжемъ. (*Завязываетъ Костяеву глаза*).

КОСТЯЕВЪ.

Ну, Груша, начинай! Разъ, два, три! (*Груша играетъ на фортепьяно. Костяевъ идетъ по канату. Усталовъ подходитъ къ Груши и что-то ей шепчетъ*).

ГРУША (*Усталову*).

Ахъ, оставь пожалуйста!..

КОСТЯЕВЪ.

Что, хорошо?

УСТАЛОВЪ (*не глядя*).

Уму помраченье!

КОСТЯЕВЪ.

Груша, накаливай, накаливай! Не жалѣй пальцевъ! (*Усталовъ наклоняется къ Грушѣ и три раза цѣлуетъ ея въ щеку. Входитъ Матрена Андреевна*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ВСѢ ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА, КРОМѢ МАВРЫ.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА (*увидя Ус-
талова, цѣлующаго
Грушу, всплескиваетъ
руками*).

Батюшки! и это въ семейномъ домѣ! (*Груша вскрикиваетъ и выскакиваетъ изъ за фортепьянъ. Усталовъ отходитъ въ сторону*).

КОСТЯЕВЪ.

Продолжай, продолжай, Аграфена! Не бойся ея! Это она такъ.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Ахъ, старый дуракъ, до чего ты дожилъ! Сними съ себя дурацкій колпакъ, да посмотри, что дочь-то твоя дѣлаетъ. Съ прикащикомъ цѣлуется!..

КОСТЯЕВЪ (*срывая съ глазъ
повязку*).

Гдѣ? Когда? Какъ?..

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА (*сидясь на диванѣ*).

Да сейчасъ, сію минуту. Она на фортепьянахъ бренчить, а онъ ее разцѣловываетъ.

КОСТЯЕВЪ (*наступая на Усталова*).

Какъ ты смѣлъ? Признавайся! Скажите на милость!.. А я ему еще пять рублей въ мѣсяцъ жалованья прибавилъ. Признавайся, шельмецъ!

УСТАЛОВЪ.

Да въ чемъ же признаваться-то? Я съ благородными намѣреніями, больше на счетъ законнаго брака.

КОСТЯЕВЪ.

Да какъ ты смѣлъ?

УСТАЛОВЪ.

Какъ смѣлъ?.. Смѣлость города беретъ... Я, Михѣй Иванычъ, завтра-же хотѣлъ у васъ просить отдать за меня Аграфену Михѣевну. Мы, Михѣй Иванычъ, теперь ужъ не тѣ, что были, мы теперь хоть и прикащики, а завсегда свою лавку открыть можемъ, потому отъ дяденьки въ наслѣдство три тысячи получили, да еще на эти деньги 200,000 выиграть можемъ. Хотѣлъ просить завтра, а ужъ коли такъ случилось, такъ прошу сегодня: отдайте за меня Аграфену Михѣевну.

КОСТЯЕВЪ.

И думать не смѣй!..

УСТАЛОВЪ.

Вѣдь вы вонъ ей давеча говорили, что за акробата ее замужъ отдадите, такъ отдайте за меня и я буду акробатомъ!.. Ремесло хорошее.

КОСТЯЕВЪ.

Это, братъ, надо подумать. (*Ходитъ по сценѣ*).

ГРУША (*подбѣгаетъ къ Усталову*).

Что-жъ ты врешь! Я не хочу, чтобъ ты былъ акробатомъ.

УСТАЛОВЪ (*Грушѣ*).

Погоди, дай срокъ только жениться, а ужъ тамъ надую.

КОСТЯЕВЪ.

Что-жъ, Матрена Андреевна, отдать ее за него, что ли?

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Да ужъ отдавай... Богъ съ ней... Все таки въ домъ будетъ покойнище, а то она мнѣ днемъ спать не даетъ.

КОСТЯЕВЪ (*Грушѣ*).

А ты, Аграфена, хочешь за него замужъ?

ГРУША (*застѣнчиво*).

Съ превеликимъ даже удовольствіемъ, папенька!

КОСТЯЕВЪ.

Ну, такъ я согласенъ. Только смотри, чтобъ учиться по канату ходить.

УСТАЛОВЪ.

Съ превеликимъ удовольствіемъ, тятенька!

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Ахъ, какая усталость! Хорошая вещь свадьба, только ужъ и хлопотъ же!.. Не доспишь, не доѣшь, не допьешь... Начнутъ гости шлаться... пиры разные... Когда тутъ отдохнуть?..

КОСТЯЕВЪ.

Въ день свадьбы никакого пира не будетъ, а протянемъ мы у насъ въ саду, отъ голубятни къ забору, канатъ и будетъ большое восхожденіе по канату. А теперь приучаться и приучаться! По крайности, на случай несостоятельности, всегда вѣрный кусокъ хлѣба.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА.

Ахъ какая лѣнь! Кажись и до постели не дойду.

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

THESE ARE THE RESULTS OF THE

ANALYSIS

THESE ARE THE RESULTS OF THE

ANALYSIS

THESE ARE THE RESULTS OF THE

ANALYSIS

THESE ARE THE RESULTS OF THE

ANALYSIS

THESE ARE THE RESULTS OF THE

ANALYSIS

THESE ARE THE RESULTS OF THE

ANALYSIS

THESE ARE THE RESULTS OF THE

ANALYSIS

THESE ARE THE RESULTS OF THE

ANALYSIS

THESE ARE THE RESULTS OF THE

ANALYSIS

THESE ARE THE RESULTS OF THE

ANALYSIS

THESE ARE THE RESULTS OF THE

ANALYSIS

THESE ARE THE RESULTS OF THE

ANALYSIS

ИМЯНИНЫ ВЪ УГЛАХЪ.

КАРТИНЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Митревна, старуха, жила въ экономахъ. Занимается отдачею жильцамъ угловъ.

Филипъ Михайлычъ, лакей безъ мѣста.

Будкинъ; былъ нѣкогда провинціальнымъ актеромъ.

Арефъичъ, старикъ; живетъ богъ знаетъ чѣмъ.

Наталья Федоровна, племянница Митревы, генеральская горничная.

Андрей Филатычъ, военный писарь.

Митрофанъ Ивановичъ, театральнй сторожъ, кумъ Митревы.

Луша, горничная; живетъ въ одномъ домѣ съ Митревой.

} Жильцы Митревы.

Небольшая комната, окрашенная жолтой краской. Прямо дверь; на лѣво окно. По стѣнѣ стоитъ старинный комодъ, на комодѣ посудный шкафчикъ съ стеклянными дверцами, въ которыхъ видны стоящіе на полкахъ чашки, стаканы и рюмки. На лѣво у стѣны старый клеенчатый диванъ съ валиками. Надъ диваномъ, на стѣнѣ висятъ: фуражка, манишка и прилѣплены раскрашенныя картинки безъ рамокъ. Правый уголъ отгороженъ ширмами, оклеенными обоями, лѣвый—ситцевыми занавѣсками на веревкѣ и шкафомъ. Посреди комнаты простой столъ, покрытый салфеткой, и нѣсколько ободранныхъ разнокалиберныхъ стульевъ. Вообще въ комнатѣ тѣсно. При поднятіи занавѣса, Митревна въ новомъ ситцевомъ платьѣ и въ чепцѣ суетится у стола, выкладывая на тарелки изъ тюрюковъ: булки, пряники, пастилу и колбасу. Филиппъ Михайлычъ сидитъ на стулѣ у открытаго окна и старается наиграть на трубѣ пѣсню «Кринолинъ, кринолинъ», но изъ трубы выходятъ какіе то дикіе звуки. За ширмами, на диванѣ лежитъ полупьяный Будкинъ. Онъ по временамъ охаетъ и произноситъ: «Боже, очисти мя грѣшнаго!»

ЯВЛЕНІЕ I.

МИТРЕВНА, ФИЛИППЪ И БУДКИНЪ.

МИТРЕВНА.

О, господи, оглушилъ совсѣмъ! Филиппъ Михайловичъ, да брось ты эту трубу! Ну, что она тебѣ далась? Сибирь, просто Сибирь! Диви бы струментъ хорошій былъ или бы выходило что, а то одно только безобразіе!

ФИЛИПЪ.

Нѣтъ, Матрена Митревна, вы этого не извольте говорить, я ужъ теперь эту самую пѣсню наигрывать могу. Вотъ послушайте... (*Трубитъ*).

МИТРЕВНА.

Честью тебя просить: оставь. Ну хоть для именинъ моихъ брось! Вѣдь насъ съ квартиры сгонять. Давеча я къ обѣднѣ шла, такъ дворникъ и то говорилъ: кто это, говорить, у васъ на трубѣ играетъ? Жильцы жалуются: покоя, говорить, нѣтъ. Онъ бы хоть окошко то закрываль.

ФИЛИПЪ.

Жалуются? А вѣдь это за вчерашнее. Вчера я гляжу въ окошко и вижу, что по двору старуха чиновница плетется, вотъ что надъ нами то живетъ. Съ кулькомъ, — надо статься изъ рынка. Захотѣлось мнѣ ее поцугать: высунулся изъ окошка да какъ трубку на нее въ трубу, — она такъ и присѣла. Ругаться начала. Страсть какъ ругалась!

МИТРЕВНА.

Вотъ видишь, обругала, а тебѣ все нейметя.

ФИЛИПЪ.

Что жъ что обругала? Брань на вороту не виснетъ. Собака ласть — вѣтеръ носить.

МИТРЕВНА.

Ужъ по мнѣ заводить инструментъ, такъ заводить хорошій, напимѣрь: гитару. Покрайности слушать пріятно и чувствительно.

ФИЛИПЪ.

Гитару то надо купить... А купить на какія деньги? Купило то у насъ притупило. Труба даромъ досталась, баринъ подарилъ. Холостой былъ, такъ игралъ на ней, а какъ женился, такъ ему жена и запретила. Славно онъ игралъ! (*Смотритъ въ окно и кричитъ*): Лукерья Ивановна, куда это вы спѣшите? Въ лавочку?.. Гостинчика принесите... (*Посылаетъ ей летучій поцѣлуй*).

МИТРЕВНА.

Вотъ ты тоже до женскаго пола охотникъ, дѣвушекъ обижаешь, а это нехорошо.

ФИЛИПЪ.

Черезъ женскій полъ я, Матрена Митревна, истинно несчастный человѣкъ. Черезъ женскій полъ я мѣста лишился, да вотъ и вчера ходилъ наниматься къ полковницѣ, — такъ тоже черезъ женскій полъ не взяли. А мѣсто хорошее: десять рублей жалованья и горячее отсыпное. Выходитъ барыня, взглянула на меня и говоритъ: нѣтъ, говорить, ты мнѣ не годишься, мнѣ нужно человѣка постарше, потому у меня двѣ горничныя

молодыя, а я въ своемъ домѣ разврата не терплю. Да я, говорю, сударыня, на нихъ и вниманія обращать не буду. Что мнѣ въ нихъ? Мнѣ онѣ словно трава. Нѣтъ, уже это, говорить, вы всегда такъ говорите, а потомъ и заведете шуры-муры. Такъ и не взяла... (*Молчаніе. Ложится на диванъ и начинаетъ плевать въ сторону*).

МИТРЕВНА.

Ты опять плеваться! Ну, что это за манера у тебя? Видишь, полъ чистый.

ФИЛИПЪ.

Да ужъ это такъ, отъ скуки.

МИТРЕВНА.

Пошолъ бы прогуляться. День воскресный, на улицѣ народу много.

ФИЛИПЪ.

Не пойду. Что такъ зря то болтаться?

МИТРЕВНА.

Ну, въ лавочку сходи, спроси: не слыхалъ ли лавочникъ что о мѣстѣ? Пріятелей просилъ бы.

ФИЛИПЪ.

Что жъ каждый то день по одному мѣсту болтаться? Вчера ходилъ спрашивалъ. Теперь бы мнѣ слѣдовало по настоящему поденно въ офиціантахъ ходить, да фракъ въ мытьѣ!..

МИТРЕВНА.

Ужъ заложилъ? Ахъ ты какой!

ФИЛИПЪ.

Что жъ мнѣ дѣлать то? Сами же вы вчера за квартиру деньги просили.

МИТРЕВНА.

Какой же ты послѣ этого лакей? Лакей безъ фрака, что солдатъ безъ ружья.

БУДКИНЪ (*показывается изъ за ширмъ. Онъ въ равномъ пальто, голова всклокочена*).

Страсть какъ голова трещить! Митревна, Бога ради, сбѣгайте, принесите косушку.

МИТРЕВНА.

Ну вотъ еще что выдумалъ! Стану я въ день своего ангела по кабакамъ шлаться. Выпей вотъ, я тебѣ рюмочку поднесу. Поздравь меня съ ангеломъ...

БУДКИНЪ.

Что рюмка! Еще хуже будетъ, только разбередишь себя. Сдѣлайте божескую милость.

МИТРЕВНА.

Не пойду я. Ступай самъ въ кабакъ, тамъ и выпьешь. Только уже пьяный сюда не являйся, потому у меня гости будутъ...

БУДКИНЪ.

Я бы и пошолъ, да боюсь, что тогда я противъ препорціи вышью, а тогда я въ себѣ невластенъ, все пропить могу. Сходите!..

МИТРЕВНА.

Ни за что на свѣтъ!

БУДКИНЪ (*помолчавъ*).

Ну, такъ ужъ поднесите хоть рюмочку то. (*Митревна наливаетъ ему изъ полуштофа рюмку водки. Онъ пьетъ*). Съ ангеломъ! (*Вздыхаетъ*). Боже, очисти мя грѣшнаго! (*Уходитъ за ширмы*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ И АРЕФЬИЧЪ.

АРЕФЬИЧЪ (*входитъ. Онъ въ пальто, въ котиковой фуражкѣ. На плечъ у него холстинный мѣшокъ; въ рукѣ вѣшникъ*).

Здравствуйте, матушка Митревна. Съ ангеломъ! Сто лѣтъ вамъ жить и не стариться! (*Троекратно целуется съ Митревной*).

МИТРЕВНА.

Садись, Арефьичъ. Вѣдь, поди сморился... Гдѣ побывалъ?

АРЕФЬИЧЬ (*кладетъ въ уголъ
мѣшокъ, вѣшникъ и садится*).

Все по благодѣтелямъ, все по благодѣтелямъ. У Андріана Матвѣича былъ. Господи, какъ люди поднимаются! Еще казачкомъ его помню, махонькимъ мальчишкой уши ему диралъ, а нынче онъ у графа Басманова полнымъ дворецкимъ состоитъ. Всему дому воротила и хорошія деньги наживаетъ. Да... въ баньку съ нимъ ходили. Перцовкой я его натеръ. Самъ то онъ толстѣть, такъ не можетъ. Вотъ, Митревна, я и вѣшничекъ принесъ, потому оно по хозяйству пригодится. Ужъ и благодать же въ банѣ была! Паръ легкій, вѣшники душистые. Ахъ, у нашего барина покойника, дай Богъ царство небесное, эти бани то были, такъ просто бѣда! Бывало сосѣднихъ помѣщиковъ созовешь — и въ баню... Вина въ волю. На каменку пѣнникомъ поддають. Сами перепьются, насъ перепоятъ да изъ бани то въ садъ, какъ мать родила, выскочатъ да на лугу танцы и начнутъ танцовать. Прежніе то господа веселые были; нынче уже не то! (*Киваетъ головой на ширмы*). Что сосѣдъ то пьетъ?

МИТРЕВНА.

Пьетъ. Охъ, какъ пьетъ. Не приведи Богъ какъ!

АРЕФЬИЧЬ.

Скверно. Вѣдь этакъ онъ пожалуй до неумытыхъ допьется.

МИТРЕВНА.

Ужъ допился, Арефьичъ, допился... Вчера это я передъ всеношной прилегла соснуть, только вздремнула, вдругъ какъ онъ заоретъ во все горло. Я такъ съ постели горохомъ и скатилась. Подбѣгаю къ нему, а онъ стоитъ въ одномъ исподнемъ, руками машетъ и реветъ во все горло: уберите ихъ, уберите! Смотрю, никого нѣтъ. А это онъ до нихъ, не въ день ангела будь помянуты, допился.

АРЕФЬИЧЪ.

Да, пьянство это пуще всего на свѣтѣ.

МИТРЕВНА.

А вотъ, Арефьичъ, говорятъ, что у пьющаго человека подъ сердцемъ такая жаба сидитъ, которая этого самого винца просить.

АРЕФЬИЧЪ.

Про жабу не слыхалъ, матушка, а что эти люди злыми людьми испорчены, такъ это вѣрно. Ну-съ, былъ я еще у купца Подъѣдалова. Тоже нашего барина крестьяниномъ былъ, а теперь домъ каменный выстроилъ. Добрѣйшій души человекъ. Рублишко мнѣ далъ да пальтишко старенькое подарилъ. (*Достаетъ изъ мешка пальто*). Новенькое, совсѣмъ новенькое.

ФИЛИПЪ *(подходитъ и начинаетъ разсматривать пальто).*

Да, новое! Тетка Агафья носила да до дыръ проносила!

АРЕФЬИЧЪ.

А ты, молодецъ, наживи прежде свое такое да послѣ и говори.

ФИЛИПЪ.

Что-же, у насъ и почище бывали. Было время, мы и при часахъ съ цѣпочкой ходили. *(Отходитъ и ложится на диванъ).*

АРЕФЬИЧЪ.

Мало ли что было! Было да сплыло! *(Беретъ мѣшокъ, пальто, уноситъ ихъ за занавѣску и снова возвращается).*

МИТРЕВНА.

А я гостей дожидаясь, да что-то нейдутъ. Кумъ хотѣлъ быть, племянница Наташа, что у генеральши Потасканьевой въ горничныхъ живетъ, да еще кой кто. Я тебѣ, Арефьичъ, по секрету скажу: я вѣдь Наташу то куму сватаю. Конечно онъ вдовецъ, а все-таки мужчина въ самой порѣ и на коронной службѣ состоитъ. Онъ при театрѣ сторожемъ служить. Жалованье жалованьемъ, а то они платѣ господское сохраняютъ и за

это получаютъ. Ну, кто гривенникъ дать, кто пятиалтынный, смотришь—оно и наберется. Вѣдь курочка по зернышку клюетъ да сыта бываетъ. Онъ вотъ Наташу то посмотрѣть придетъ, такъ можетъ быть и порѣшимъ сегодня.

АРЕФЬИЧЪ.

Дай Богъ! Дай Богъ!

МИТРЕВНА.

Конечно. Что жъ мужчинѣ такъ то жить? Вѣдь одурѣешь.

АРЕФЬИЧЪ.

Истинно, матушка, одурѣешь. Вотъ хоть бы я. Первый то разъ я женился сейчасъ послѣ француза. Ужъ я тогда былъ у нашего барина полнымъ офиціантомъ. А второй то разъ я женился въ первую холеру: за сорокъ лѣтъ мнѣ тогда было, а тоже не могъ безъ бабы жить.

МИТРЕВНА.

Такъ что жъ что за сорокъ? Мужчина и пятьдесятъ лѣтъ еще въ самой порѣ для женитьбы. Вонъ я у статскаго генерала Лаканьева въ экономкахъ жила: пятидесяти годочковъ онъ, голубчикъ, душу Богу отдалъ. *(Плачетъ)*.

БУДКИНЪ *(за ширмами)*.

Боже, очисти мя грѣшнаго! *(Выходитъ)*. Арефьичъ, сходи купи мнѣ косушечку.

МИТРЕВНА (*Будкину*).

Фу, какъ ты меня испугалъ, Иванъ Ивановичъ. Что у тебя за голосъ? Словно въ пушку...

АРЕФЬИЧЪ.

Зачѣмъ? зачѣмъ? Знаешь, есть сказано: пей, да не опохмѣляйся. Хочешь, я тебя отъ этого запою вылечу. Я средство знаю. Пойдемъ-ка я тебѣ скажу. (*Уходитъ съ нимъ за ширмы*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ И ЛУША (*вбѣгаетъ съ кофейникомъ въ рукахъ*).

ФИЛИПЪ (*увидавъ ее, вскакиваетъ съ дивана*).

А, Лукерья Ивановна! Толстое почтеніе съ кисточкой, поклонъ съ набалдашникомъ. Что жъ, гостинца принесли! Безъ гостинца не выпущу. (*Загораживаетъ ей дорогу*).

МИТРЕВНА.

Филипъ Михайлычъ, стой, не балуйся! Здравствуй, Луша!

ЛУША (*цѣлуясь съ Митревной*).

Здравствуйте! съ ангеломъ... Ужъ извините, что безъ даровъ. Жалованье еще не получали.

ФИЛИПЪ.

Лукерья Ивановна, что жъ вы со мной то не поцѣ-
ловались? Вѣдь мнѣ обидно.

ЛУША.

Видишь, что выдумали! Нынче не свѣтло Христово
воскресенье, чтобъ съ мужчинами цѣловаться.

ФИЛИПЪ (*Лушѣ*).

Что на свѣтѣ прежестого?

Прежестого есть любовь...

ЛУША.

Зачѣмъ пришла, то и забыла. Вѣдь я вамъ кофей-
никъ принесла. Вотъ возьмите. Теперь господа отпили
кофей, такъ не хватятся. Только вы Бога ради по-
тише, чтобъ не помять его.

МИТРЕВНА.

Ну вотъ! Пуще глаза беречь буду. У меня и свой
есть, да малъ. Выпьютъ гости по чашечкѣ, ну и
весь. Садись, что такъ то стоишь...

ЛУША.

Да нельзя, Матрена Митревна, бѣжать надо. Сей-
часъ сама пришла отъ обѣдни, весь хвостъ у платья
отшлепала. Не замой-ка—бѣда! Раскричится на весь
домъ. Прощайте, ужъ уберусь, такъ забѣгу. (*Цѣлуется
съ Митревной, хочетъ уходить и вновь воз-*

вращается). Слышали, Дарьё то вѣдь вчера отъ мѣста отказали и два съ полтиной изъ жалованья вычли. У нихъ чайная ложка пропала.

МИТРЕВНА.

Скажи намилость! Ай, жалость какая! А я ее сегодня во снѣ видѣла.

ЛУША.

А водовозъ Иванъ, говорятъ, нашолъ эту ложку въ помойной ямѣ и въ кабакъ заложилъ. Прощайте, заболталась. Пора!..

ФИЛИПЪ.

Лукерья Ивановна, я васъ не выпущу. Подарите поцѣлуйчикъ.

ЛУША.

Пустите! Какъ вамъ не стыдно? Меня изъ за васъ ругать будутъ.

ФИЛИПЪ (*растопыривъ руки*).

Не пущу! (*Въ дверяхъ показывается Митрофанъ Ивановичъ, Луша, воспользовавшись этимъ случаемъ, убѣгаетъ. Филипъ бѣжитъ за ней*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

БУДКИНЪ И АРЕФЬИЧЪ *за ширмами*, МИТРЕВНА И
МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ (*входитъ. Онъ
въ отставномъ военномъ
сюртукъ съ нашивками.
Въ рукахъ у него синій
коленкорový зонтикъ
и узелокъ*).

Здравствуйте, кумушка! Съ ангеломъ!.. съ именинами!..

МИТРЕВНА.

Спѣсивъ, спѣсивъ, куманекъ! Ужъ я ждала, ждала, да и
ждать перестала. (*Троекратно цѣлуется съ нимъ*).

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ (*достаетъ изъ
узла байковый платокъ
и подаетъ ей*).

Вотъ вамъ, кумушка, платочекъ. Носите да насъ
поминайте. Извините на малости...

МИТРЕВНА.

И, кумъ, ну къ чему это? Къ чему изъясняться? ей Богу
мнѣ совѣстно.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Что за изъянь! Вѣдь это не покушное, а послѣ жены покойницы.

МИТРЕВНА *(разсматривая платокъ)*.

Ну, спасибо, коли такъ. Удружилъ. Ужъ я тебѣ за это хорошую невѣсту высватаю. Садись, куманекъ. Съ дорожки то винца?

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Это можно... *(Пьетъ)*.

МИТРЕВНА.

Ну вотъ сегодня и Наташа будетъ. Посмотришь ее хорошенько. Понравится, такъ можетъ быть сегодня и порѣшимъ. Кумъ, да ты бы колбаской то закусилъ... Она какъ есть хорошая дѣвушка. Конечно свою родню не хорошо хвалить, да вѣдь ужъ правда то сейчасъ видна. У ней теперича бѣличій салопъ, бурнусъ, двѣ шляпки, платье въ штокъ шесть—и ситцевыя, и шерстяныя, и матерчатыя. Генеральша ей и свадьбу справить.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Высватаете, такъ благодаренъ буду. Потому, откровенно сказать, безъ женщины скучно.

МИТРЕВНА.

Что говорить, что говорить! Ужъ конечно одинъ

сапогъ не пара! Да и ей пора замужъ. Что жъ въ самомъ дѣлѣ, не все же по чужимъ людямъ слоняться. Надо когда нибудь и о своемъ углѣ подумать. Ты, куманекъ, посиди тутъ, а я въ кухнѣ кофей сварю. Арефьичъ, поди-ка сюда, потолкуй съ кумомъ.

АРЕФЬИЧЪ (*выходя изъ за ширмъ*).

Митрофану Иванычу! Съ именинницей! (*Митревна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ, КРОМЪ МИТРЕВНЫ.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Ну что, старичокъ божій, какъ бродишь?

АРЕФЬИЧЪ

Да ничего, брожу, пока Богъ грѣхи терпитъ. Вѣдь старое дерево долго скрипитъ.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

А гдѣ-же у васъ еще жилецъ былъ? Черномазый такой...

АРЕФЬИЧЪ (*указывая на ширмы*).

А тамъ. Онъ сегодня не по себѣ что-то. Вотъ я его лечить хочу. (*Тихо*). Пьетъ запоемъ.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Отъ этого не вылечишь. У насъ сторожъ одинъ есть. Такъ какъ запѣтъ, такъ даже все изъ дома тащить. На прошлой недѣлѣ у хозяйки кота стянулъ и пропилъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ И МИТРЕВНА.

МИТРЕВНА (*входитъ*).

Сейчасъ закипитъ. Побудь, Арефьичъ, въ кухнѣ да посмотри, чтобы кофей не ушолъ, а я съ кумомъ поговорю.

АРЕФЬИЧЪ.

Побуду, побуду, матушка. (*Уходитъ*).

МИТРЕВНА (*доставая изъ шкафа чашки и ставя ихъ на столъ*).

Кумъ, ты бы водочки-то. Оно хорошо. Бодрѣе съ невѣстой говорить будешь. (*Митрофанъ Иванычъ пьетъ*).

БУДКИНЪ (*за ширмами*).

Боже, помилуй мя грѣшнаго!

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ (*кивая на ширмы*).

Томить парня-то?

МИТРЕВНА.

И не говори, кумъ! Смучилъ онъ меня совѣмъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

МИТРЕВНА, МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ, БУДКИНЪ *за ширмами*, НАТАША И АНДРЕЙ ФИЛАТЫЧЪ.

НАТАША (*входитъ въ сопровожденіи Андрея Филатыча*).

Ухъ, какая у васъ лѣстница наказательная! Насилу поднялась. Здравствуйте, тетенька! Съ ангеломъ!..

МИТРЕВНА.

Здравствуй, Наташенька. (*Цѣлуются. Митрофанъ Иванычъ встаетъ и кланяется Наташѣ*).

НАТАША (*беретъ отъ Андрея Филатыча пакетъ*).

Вотъ вамъ подарочекъ, чашечку. Вы ужъ извините меня, тетенька, что я съ кавалеромъ. Я совѣмъ не могу безъ провожатыхъ да и нельзя... Нынче мужчины все такіе охальники; къ каждой дѣвушкѣ пристають. Это знакомый мой — Андрей Филатычъ.

МИТРЕВНА.

Милости просимъ. Очень пріятно раздѣлить компанію.

НАТАША (*садится*).

Я забыла, что здѣсь такая грязная лѣстница, а то бы я черное платье надѣла.

МИТРЕВНА.

Наташа, да что-жъ ты въ бурнусъ-то? Вѣдь жарко. Да и шляпку-то скинь.

НАТАША (*снимая бурнусъ*).

Повѣсьте; только, чтобы не замарался, а шляпку я не сниму

МИТРЕВНА.

Я вотъ его на диванъ положу, диванъ чистый. (*Владетъ на него бурнусъ*).

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ (*откашлинувшись, обращается къ Наташѣ*).

Изволили смориться?

НАТАША.

Да, жарко.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Теперича воды или холоднаго—ни-ни... а то сейчасъ болѣзнь... Бѣда ежели съ жару! Когда я въ полку былъ, такъ вотъ также я разъ лошадь...

НАТАША.

Что-жъ вы меня къ лошади приравливаете. Это даже неучтиво.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ (*конфузясь*).

Нѣтъ, вы не того... Это я такъ, къ слову. Ужъ вы простите солдата. (*Пьетъ водку*).

МИТРЕВНА (*Андрею Филатычу*).

Послушайте, господинъ офицеръ, могу я васъ попросить выкупать водочки?

АНДРЕЙ ФИЛАТЫЧЪ.

Откликаюсь на вашъ зовъ. Хотя я еще и не офицеръ, но состою на линіи офицеровъ. Это у васъ простая? Простую-то я рѣдко пью, но для васъ выпью. (*Пьетъ*).

МИТРЕВНА.

Ужъ извините. Хотѣла настоять чѣмъ нибудь, да забыла.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЕ И АРЕФЬИЧЪ.

АРЕФЬИЧЪ (*вбѣгаетъ съ кофейникомъ въ рукахъ*).

Ну, матушка, бѣду надѣлалъ! Вѣдь кофей-то ушолъ. Такъ черезъ край, черезъ край...

МИТРЕВНА (*взявъ отъ него
кофейникъ, ста-
витъ на столъ*).

Эхъ, Арефъичъ, ужъ кофey путемъ сварить не можешь!

АНДРЕЙ ФИЛАТЫЧЪ (*Арефъичу*).

Вы бы дверь заперли, такъ онъ бы и не ушолъ...

НАТАША.

Ахъ, какой вы насмѣшникъ! ужаси! Въ васъ, какъ въ змѣѣ какой нибудь, такъ ядъ и сидить.

АНДРЕЙ ФИЛАТЫЧЪ (*Наташѣ*).

Мой ядъ для васъ неопасенъ. Вы тигра и всегда можете терзать мое бѣдное сердце.

НАТАША.

Шалунъ вы, ей-Богу, шалунъ!

МИТРЕВНА.

Вотъ, кумъ, и смотри, какъ молодые-то люди разговариваютъ. Любо дорого слушать!

АНДРЕЙ ФИЛАТЫЧЪ (*воспламеняясь
отъ похвалы*).

Наташя Федоровна, зачѣмъ вы такъ жестоки? Вы похитили мое сердце.

Милый ангелъ, какъ не стыдно

Сердце взять и не отдать?

НАТАША.

Коварный!

АРЕФЬИЧЪ.

Вотъ ужъ я этихъ разговоровъ на своемъ вѣку страсть сколько наслушался! Бывало служишь у господскаго стола и слушаешь, какъ барышни съ кавалерами разговоры ведутъ. Жоли, мерси, легарде, требье.

МИТРЕВНА.

Ну, гости дорогіе, кофейку. (*Подаетъ гостямъ кофей*). Наташа, пастилки-то, пряничковъ... Не будь спѣсива.

НАТАША.

Пастилы пожалуй съѣмъ, а пряниковъ я совсѣмъ не могу ѣсть.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ (*Наташѣ*).

Вотъ какъ нибудь къ намъ въ театръ милости просимъ. Я вѣдь при театрѣ служу.

НАТАША.

Мерси. Я и такъ часто бываю.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

У насъ хорошо. Опера—это значитъ на счетъ пѣнія, а то и такъ, комедь бываетъ.

АРЕФЬИЧЪ (*выпиваетъ рюмку водки*).

А вѣдь я въ молодые годы у нашего барина по-

койника тоже и актеромъ былъ. Мы и живыя картины изображали и балетъ. Бывало поставятъ меня съ ножомъ такъ (*показываетъ*), а дѣвушку изъ нашихъ дворовыхъ какую ни на есть на колѣни поставятъ и косу ей распустятъ. Это значить будто я разбойникъ и убить ее хочу, а она просить, дескать не убивай.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Вотъ это такъ точно и у насъ.

АРЕФЬИЧЪ.

И въ это время ни пошевелились, ни глазомъ не моргни, а то бѣда! У насъ на это строго было, сейчасъ отстегаютъ. Да, у насъ хорошія актрисы были. Вотъ хоть бы моя сестра двоюродная, Даша, дай богъ царство небесное. Такъ та все могла: танецъ ли гишпанскій, живую ли картину, пѣніе или комедь, — на все мастерица! Плохо только кончила, голобушка.. Засѣкли...

МИТРЕВНА.

Ахъ, грѣхъ какой! Неужто до смерти засѣкли?

АРЕФЬИЧЪ.

До смерти. Какъ сейчасъ помню, былъ это александровъ день. Были именины барина. Гости были. Пиръ горой и вечеромъ театръ — представленіе. Господа подпили и захотѣли живыя картины въ натурѣ видѣть.. Ну, Дашу на Венеру и назначили, потому

что она изъ себя красавица была—статная, коса до колѣнъ. Велѣли ей раздѣваться—она не хочетъ. Сказали барину. Тотъ прибѣжалъ—пѣна у рта. Ругается, а Даша все на своемъ стоитъ. Не хочешь? говорить. Не хочу... На конюшню! Выскли. Спрашиваетъ опять: изобразишь? Нѣтъ. Еще! Да такъ, голубушка, и покончила. *(Молчаніе. На дворъ слышенъ возгласъ: мороженое хороше! Сливочное хороше!)*

АНДРЕЙ ФИЛАТЫЧЪ *(Наташѣ)*.

Мороженымъ прохладиться не желаете ли?

НАТАША.

Пожалуй!

АНДРЕЙ ФИЛАТЫЧЪ.

Такъ я сейчасъ. Хозяюшка, позвольте стаканчикъ. *(Беретъ стаканъ и убѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢЖЕ, КРОМЪ АНДРЕЯ ФИЛАТЫЧА.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Можетъ статья и врутъ, а только говорятъ, что молоко на это мороженое изъ больницъ покупаютъ.

НАТАША.

Фу, какія вы гадости говорите. Послѣ этого я и ѣсть не могу.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Отчегоже-съ? Отъ слова вѣдь ничего не сдѣлается. (*Молчаніе. Пьетъ водку*). Вотъ что, кума: теперь мы объ этомъ самомъ дѣлѣ: насчетъ женитьбы поговоримъ. (*Киваетъ на Арефъича*). При немъ ничего, можно. При старыхъ людяхъ еще законнѣе.

МИТРЕВНА.

Что ты, кумъ! Да такъ вдругъ нельзя. Гдѣ-же это видано?

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ (*рѣшительно махнувъ рукой*).

Солдату все можно. Отбарабанилъ зорю да и шабашъ! Вотъ что. Наталья Федоровна, вы меня извините, у меня складу этого въ рѣчахъ нѣтъ... Тетенька ваша вамъ, я думаю, уже говорила насчетъ этого сватовства...

НАТАША.

Насчетъ какого сватовства?

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Конечно, мы теперь при большихъ капиталахъ не состоимъ, но все-таки можемъ... Теперича жалованье жалованьемъ, а то за одежду собираемъ. Трубка у насъ зрительная есть—трубку на поддержаніе отдаемъ. А что до дому касается, такъ намъ и заводиться ненадо. У насъ все заведеніе отъ первой жены цѣло. Два са-

мовара, перина и все эдакое... Тоже и Божіе милосердіе... Одно въ серебрѣ.

МИТРЕВНА.

Это такъ. Это у него все есть. Ты, кумъ, говорилъ, что у тебя билетъ ломбардный есть съ собой, такъ покажи!..

НАТАША.

Что-же вамъ угодно? Это даже довольно странно, что вы про свое состояніе рассказываете. Мнѣ генеральша на новый годъ пять золотыхъ подарила, да я ничего не говорю.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Нѣтъ, это ничего. Это даже лучше, ежели напередъ скажешь. Вотъ что, Наталья Федоровна: конечно мы, такъ сказать, въ лѣтахъ уже немолодыхъ, двѣ кампаніи выдержали... Вы насъ не обезсудьте... Конечно я солдатъ и тамъ всякаго образованія не понимаю, но все-таки...

НАТАША.

Тетенька, что-же это такое? Я все въ толкъ взять не могу.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

А то, что ежели непротивенъ, такъ насчетъ законнаго брака.

НАТАША.

Вы на мнѣ жениться хотите?!

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Да-съ, какъ по писанію... По закону. Нешто вамъ тетенька не говорила?

НАТАША.

Съ чего вы это выдумали. Тетенька, когда вы мнѣ объ этомъ говорили?

МИТРЕВНА.

Наташа, я тебѣ не говорила? Да побойся ты бога! Что-жъ ты меня передъ кумомъ подлячкой ставишь?

НАТАША.

Такъ мало ли вы мнѣ кого сватали! Правда, вы мнѣ говорили про какого-то зрителя при театрѣ, а вѣдь это солдатъ. Нѣтъ, я за солдата замужъ не пойду. Да за меня два военныхъ офицера и чиновникъ сватались, да и то я не пошла, а тутъ вдругъ за солдата.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ (*теряясь*).

Это такъ-съ, это дѣйствительно... (*Митревнѣ*).
Кума, что-жъ ты мнѣ набрехала? Вѣдь ты меня теперь передъ ними въ конфузъ ввела.

МИТРЕВНА.

Видитъ Богъ, кумъ, что я тутъ |ровно ни причемъ.

НАТАША.

Тетенька, мнѣ домой пора, прощайте!

МИТРЕВНА.

Да куда-жъ ты? Постой... погоди...

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢЖЕ И АНДРЕЙ ФИЛАТЫЧЪ.

АНДРЕЙ ФИЛАТЫЧЪ (*вбѣгая со стаканомъ мороженаго*).

Пожалуйте. Самый ледъ. (*Подаетъ Наташѣ стаканъ*).

НАТАША.

Я не буду ѣсть мороженаго. Собирайтесь, мы идемъ.

АНДРЕЙ ФИЛАТЫЧЪ.

Что это значить? Обидѣли васъ? (*Смотритъ на всѣхъ вызывающимъ взглядомъ*).

НАТАША (*одѣваясь*).

Ничего. Собирайтесь. Прощайте, тетенька!

МИТРЕВНА.

Прощай! Да что же это? Какъ тебѣ не стыдно... Посидѣла бы...

НАТАША (*уходя въ сопровожденіи Андрея Филатича*).

Вотъ еще что вздумали! Мнѣ солдата сватать. (*Въ дверяхъ встрѣчается съ Филипомъ и презрительно смотритъ на него*). Что за знакомые у ней! Господи!

ЯВЛЕНІЕ XI.

МИТРЕВНА, МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ, ФИЛИПЪ МИХАЙЛЫЧЪ, АРЕФЬИЧЪ И БУДКИНЪ (*за ширмами*).

ФИЛИПЪ.

Митревна, нѣтъ ли у васъ щеточки сюртукъ почистить? Сейчасъ на мѣсто иду наниматься. Дворникъ рекомендовалъ.

МИТРЕВНА (*сердито*).

Какая у меня щеточка? откуда?

ФИЛИПЪ (*беретъ вѣшникъ и чиститъ на себѣ платье*).

Ахъ, ежели бы взяли меня! Мѣсто, говорятъ, хорошее. Говорятъ, что хорошо съ собой для счастья куриную ногу брать. Митревна, нѣтъ ли у васъ куриной ноги?

МИТРЕВНА.

Ну тебя съ куриной ногой! надоѣлъ!

АРЕФЬИЧЪ.

Вотъ кстати о куриныхъ то ногахъ. Пойду-ка я, матушка Митревна, посмотрю, что ваши курочки на дворѣ дѣлають. (*Уходитъ вмѣстѣ съ Филипомъ Михайлычемъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

МИТРЕВНА, МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ И БУДКИНЪ (*за ширмами*).

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ (*поднимается съ мѣста и кланяется*).

Ну, кума, спасибо! Разодолжила ты меня. Угостила нечего сказать! Пятый десятокъ живу, двѣ компаніи выдержалъ, а первый разъ въ жизни меня дѣвчонка съ позиціи сбила.

МИТРЕВНА.

Кумъ, да что же я то? Чѣмъ же я то тутъ виновата? Вѣдь она прежде согласна была. Ахъ, я сирота несчастная, беззащитная! (*Плачетъ*).

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Нѣтъ, ты баламута, вотъ что ты... Тебѣ скучно, коли человѣкъ въ спокойствіи.

МИТРЕВНА.

Ахъ, кумъ, что же дѣлать то? Ну, съ одной дѣло не сошлось, такъ съ другой сойдется. Другую высватаю. Вѣдь Питеръ то не клиномъ сошелся. Ужъ эти генеральскія завсегда носъ поднимаютъ! Да вотъ, постой, и сейчасъ невѣста есть. И недалеко ходить: надъ нами у чиновника горничная есть, Лушой звать. Славная дѣвушка, смиренная! Ужъ эта не обидитъ. Плюнь мнѣ въ глаза, ежели что нибудь случится. Хочешь, сейчасъ сбѣгаю и позову ее сюда кофей пить. Тутъ и посмотришь.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ (*почесавъ за тылокъ*).

Ну, ужъ тащи! за одно смотрѣть то...

МИТРЕВНА.

Такъ ты посиди тутъ, а я живымъ манеромъ сбѣгаю и приведу ее. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ И БУДКИНЪ.

БУДКИНЪ (*выходитъ изъ за ширмъ съ чашкою въ рукахъ и подходитъ къ столу*).

Ушла стрекоза то? Вы, кавалеръ, нигугу! Что ви-

дите, то молчокъ! Я вотъ только въ чайную чашечку себѣ водочки отолью. Смерть томить! (*Беретъ полушторѣ*).

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Да ужъ все вытекло и высохло. Хоть и пожать ежели, такъ и то ничего не выжмешь.

БУДКИНЪ.

Эхъ, жалко! Ну да ничего, я изъ четвертной. Вотъ тутъ въ шкапу стоитъ. (*Подходитъ къ шкафу и трогаетъ дверцу*). Заперла. Ахъ, какая хитрая женщина. (*Помолчавъ садится за столъ противъ Митрофана Иваныча*). Откровенно вамъ сказать, я вѣдь запоемъ. Меня вотъ старичокъ лечить, да лекарство то такое, что боюсь: лошадиная пѣна...

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Это скверно, потому что этимъ малодушествомъ занимается, такъ того отъ дѣла отшибаетъ. Вы по какой части?

БУДКИНЪ.

Былъ актеромъ, да оставилъ, потому что теперь трагедій совсѣмъ не даютъ, а я трагикъ. Теперь я въ пѣвчихъ состою.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Такъ. Мы тоже театральные. При театрѣ служимъ.

БУДКИНЪ.

У васъ больше опера или драматическое?

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Больше насчетъ пѣнія.

БУДКИНЪ.

И вотъ тоже въ оперу поступить хочу. Вѣдь у меня басъ громадный. Мнѣ за мой басъ одинъ купецъ часы золотые подарилъ, да не умѣлъ я ихъ беречь-то только... Послушайте-ка мой голосъ. (*Поетъ*). До-фа-ля-до! А то у меня и октава.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Голосъ звучный. Вотъ тоже у нашего эскадроннаго голосъ былъ — труба!

БУДКИНЪ.

У васъ тутъ сватовство было?

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Да, только ничего я отъ этого сватовства кромѣ обиды не получилъ.

БУДКИНЪ.

Тото и есть. Человѣкъ вы пожилой, нашивки имѣете, а съ такой бабой связываетесь. Вѣдь это такая баба, что десятерыхъ проведетъ.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Кто-же ее зналъ, что она такая. Пристала ко мнѣ: женись да женись, я тебѣ хорошую невѣсту высватаю,—я и повѣрилъ. Вонъ она, хорошая-то невѣста! Только въ конфузъ меня ввела и остался я словно несолоно хлебавъ. Вѣдь вотъ у меня нравъ какой: ежели меня кто обидитъ, такъ я спервоначалу ничего не могу сдѣлать, а потомъ на меня злоба и найдетъ. Будь-ка эта невѣста теперь здѣсь, такъ я показаль-бы... такъ отчиталь, что до новыхъ вѣнниковъ не забыла-бы... Да и кумъ досталось бы. (*Помолчавъ*). Ахъ, ты!.. Бѣсъ ее задави! Меня, солдата, смѣла обидѣть. И за все за это я еще кумъ байковый платокъ подарилъ.

БУДКИНЪ.

Подарилъ? Ахъ ты какой!

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Да вѣдь какъ-же?... Сухая ложка ротъ деретъ. Нужно было подмазать.

БУДКИНЪ.

Такъ дарилъ бы потомъ, когда дѣло уладилось. Гдѣ платокъ-то?

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

А вотъ онъ на стулѣ.

БУДКИНЪ (*разсматривая платокъ*).

Платокъ хорошій. Вотъ что, кавалеръ: отыми у ней этотъ платокъ, а я тебѣ его продамъ нашимъ пѣвческимъ жонамъ. Идетъ?

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Да какъ-же дареное обратно брать?..

БУДКИНЪ.

Ничего, отыми, потому она баба вниманія нестоящая, да и сватовство разошлось.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Такто такъ, только погоди... Вонъ она мнѣ еще кого-то хочетъ посватать. Пошла за ней. Ежели и эта меня обидитъ, такъ ужъ я имъ обѣимъ покажу себя. Достанется на орѣхи! (*Помолчавъ*). И въ самомъ дѣлѣ, на какой прахъ я ей платокъ подарилъ? Платокъ стоитъ восемь рублей.

БУДКИНЪ.

А я тебѣ, кавалеръ, какъ опытный челевѣкъ посоветую: не женись. Вольнымъ казакомъ лучше жить. Жена есть зло паче змія и василиска. Вся пакость отъ жены. Я самъ былъ женатъ, отъ жены запилъ и вотъ по сію пору пью. Кого она тебѣ сватаетъ?

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

А бѣсъ ее задави! Какую-то дѣвчонку сверху.

БУДКИНЪ.

Постой, не Лукерью-ли?..

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

А ну ее!.. Кажись, что такъ. Лушкой зовутъ...

БУДКИНЪ.

Кавалеръ, дорога тебѣ жизнь?

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

А что?

БУДКИНЪ.

Дорога, такъ не женись на ней. Она дрянъ. Видалъ здѣсь лакея, жильца хозяйкина?

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Бидаль. Давича онъ мнѣ навстрѣчу попался. За какой-то дѣвчонкой бѣжалъ и ее облапивалъ.

БУДКИНЪ.

Такъ вотъ эта Лукерья съ нимъ связавшись. Да это за ней онъ и гнался.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Врешь?! Такъ какъ-же она мнѣ ее смѣетъ сватать! Ахъ она, чтобъ ей сдохнуть! Ну, теперь отыму платокъ. Ты не врешь?

БУДКИНЪ.

Ну вотъ еще... Нешто мнѣ есть корысть? Это вѣрно. Она съ этимъ Филицкой всѣ вечера у насъ на лѣстницѣ торчитъ.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Ахъ ты тварь! Придетъ она сюда, такъ я ей покажу кузькину мать!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢЖЕ, МИТРЕВНА И ЛУША.

МИТРЕВНА (*Лушѣ*).

Войди, войди, Луша! Ничего, не бойся... Тутъ все свои: кумъ да Иванъ Ивановичъ...

ЛУША.

Ей Богу, я такая грязная. Въ гости такъ не ходятъ. Ужъ извините.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Ничего-съ. Что за наряды! Не передъ женихомъ.

МИТРЕВНА.

Садись, Луша. Кофейку?..

ЛУША.

Право мнѣ совѣстно. Вѣдь я прямо отъ работы. Въ чемъ гладила, въ томъ и есть.

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Ну, такъ что-жъ что отъ работы? Передо мной рядиться нечего. Рядитесь лучше передъ своимъ Филипомъ. Дѣло-то вѣрнѣе будетъ.

ЛУША.

Митревна, Митревна, что-же это такое? На то развѣ вы меня звали, чтобъ разными мужчинами попрекать?

МИТРЕВНА.

Кумъ, что съ тобой? Что это ты дѣвушку обижаешь!

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Да, обидишь васъ, какъ-же... Нѣтъ, вы сами всякаго обидите. (*Луша*). Умница, коли вы сюда жениха пришли смотрѣть, такъ лучше за добра-ума уходите, потому здѣсь жениховъ нѣтъ.

ЛУША.

Матрена Митревна, какъ я обо всемъ этомъ понимать должна? Что-жъ вы надо мной насмѣшки дѣлаете! Это даже очень стыдно. Куда вы меня привели? Вы думаете, что ужъ ежели я дѣвушка бѣдная, такъ меня и обижать можно? Ошибаетесь.

МИТРЕВНА.

Ахъ, срамъ какой! Луша, видитъ Богъ—я тутъ ни въ чемъ невиновата.

ЛУША.

Я къ вамъ всей душой, кофейникъ вамъ принесла, а вы вотъ какъ за добро платите. Когда такъ, такъ давайте мой кофейникъ! Идти лучше... Здѣсь, чего

добраго, и прибьютъ, такъ ничего не возьмешь! (*Беретъ со стола кофейникъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

МИТРЕВНА, МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ И БУДКИНЪ.

МИТРЕВНА (*наступая на Митрофана Иванныча*).

Кумъ, да ты здѣсь что дебоширишь? Бѣлены обѣлся, что-ли?

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Ну, ужъ это наше дѣло, а издѣвку я надъ собой не позволю! Кого ты мнѣ сватаешь? Одна мнѣ конфузъ сдѣлала, а другая съ воздахторомъ вожжается? Нѣтъ, за это нетолько что тебѣ платокъ дарить, а я бы съ тебя самой шубы собольей не взялъ. Подай платокъ назадъ.

МИТРЕВНА.

Ну, ужъ это дудки! Даренаго назадъ не берутъ

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Не отдашь, такъ я силой возьму. (*Вырываетъ у ней платокъ; она не выпускаетъ*).

МИТРЕВНА (*сквозь слезы*).

Что-жъ это такое? Грабить ты меня хочешь сироту беззащитную? Ой, батюшки, растормошилъ совѣмъ! Иванъ Иваннычъ, да что-же ты-то пнемъ стоишь?

БУДКИНЪ.

Мое дѣло сторона. Небось, какъ за косушкой сходить, такъ не пошла.

МИТРЕВНА (*все еще не выпускающая платка изъ рукъ*).

Кумъ, да есть-ли у тебя стыдъ-то въ глазахъ?

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ (*замахиваясь на нее кулакомъ*).

Пусти, а то зашибу!

МИТРЕВНА (*выпускаетъ изъ рукъ платокъ*).

Ахъ, убьетъ, убьетъ, разбойникъ! (*Плачетъ и садится на стулъ*). Теперь я понимаю, чьи это затѣи!.. Это все твои затѣи, Иванъ Ивановичъ. Это ты его набаламутилъ. Когда такъ—сѣзжай съ квартиры! Сейчасъ же сѣзжай! Чтобъ и духу твоего здѣсь не было!

МИТРОФАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Ну, кума, прощенья просимъ! Счастливо оставаться! (*Будкину*). Пойдемъ вмѣстѣ! Угощу по дорогѣ. (*Будкинъ хватается фуражку и уходитъ съ Митрофаномъ Ивановичомъ*).

ПОРТРЕТЪ.

ШУТОЧНЫЯ СЦЕНЫ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Аркадій Ивановичъ Косматинъ, чиновникъ и домовладѣлецъ 45 лѣтъ.

Агнія Павловна, жена его. Молодая женщина.

Степанъ Степанычъ Лучаевъ, пріятель Косматина, директоръ акціонерной компаніи, 40 лѣтъ.

Посвистовъ, художникъ-портретистъ, молодой человѣкъ.

Денисовъ, содержатель парикмахерскаго заведенія, старикъ.

Ардаљонъ, лакей Косматина.

Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Косматина.

Хорошо убранный кабинетъ Косматина. Письменный столъ; мягкая мебель; большое зеркало; каминъ; на стѣнахъ портреты и картины. При поднятіи занавѣса Косматинъ силить у письменнаго стола; онъ въ шлафрокѣ. Около него помѣщается Агнія Павловна; она въ пеньюарѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КОСМАТИНЪ, АГНІЯ ПАВЛОВНА.

КОСМАТИНЪ.

Агнія Павловна, я очень радъ, что съ вами теперь нахожусь на единѣ... Теперь утро, головы наши свѣжи, мы сами свѣжи и потому можемъ разсуждать совершенно здраво. Я задумалъ сдѣлать нѣкоторыя распоряженія въ нашемъ семейномъ быту и сейчасъ хочу вамъ сообщить ихъ. Надѣюсь, что вы будете на столько благоразумны, что не станете мнѣ препятствовать въ задуманныхъ мною намѣреніяхъ...

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Что это вы какъ важно, Аркадій Ивановичъ... Говорите прямо... Что такое случилось? А то даже какъ-то страшно сдѣлалось.. Подъ сердцемъ защемило.

КОСМАТИНЪ.

Ничего особеннаго не случилось. Бояться тутъ нечего... И такъ я начинаю...

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Говорите безъ начала, прямо...

КОСМАТИНЪ.

И такъ я начинаю... Въ настоящее время, когда все вздорожало, когда черный хлѣбъ, насущная потребность, стоитъ 3 коп. фунтъ, когда фунтъ говядины 16 к., а дрова 6 руб. сажень, да еще страшатъ, что будутъ дороже...

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Такъ чтожь?

КОСМАТИНЪ.

Какъ—чтожь? Вѣдь это разбой!.. Вѣдь это можно на однихъ дровахъ прогорѣть! 6 рублей! Вѣдь это недѣльный заработокъ небольшого чиновника.

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Такъ вѣдь вы надбавили на квартиры?

КОСМАТИНЪ.

Я надбавилъ на всѣ мелкія, но на большія квартиры я не могъ на всѣ надбавить, такъ какъ еще не истекли контракты... И такъ приступаю къ дѣлу... Теперь, когда все вздорожало, до баснословія—мы должны сократить наши издержки по дому.

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Помилуйте, Аркадій Ивановичъ, что мы будемъ сокращать, коли мы не имѣемъ ничего лишняго.

КОСМАТИНЪ.

Вглядишь, мой другъ, здоровыми глазами, какъ я примѣрь, и тогда ты увидишь много лишняго. Прежде всего карета. На что она намъ? Мы ее продадимъ, а также продадимъ и пару лошадей. Останемся при одной лошади, маленькой колясочкѣ и саняхъ... когда карета понадобится, можемъ нанять.

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Ни за что на свѣтѣ! Вотъ еще что выдумали! карета и лошади мои, мнѣ ихъ папенька въ приданое далъ....

КОСМАТИНЪ.

Прежде всего помните правило, что супруги нераздѣльное цѣлое... у нихъ все общее... вы моя и всѣ ваши вещи мои, карета и лошади дѣло поконченное. И такъ продолжаемъ...

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Это тиранство! Это ни на что не похоже! я и у папеньки всегда въ каретѣ ѣздила, а теперь вдругъ продавать. Да узнаютъ наши родные, такъ смѣяться начнутъ. Скажутъ: вотъ прогорать начали. Каково мнѣ будетъ это слушать?

КОСМАТИНЪ.

Ваши родственники купцы и погрязаютъ въ невѣжествѣ. Вы не должны на нихъ обращать вниманія. Вы должны забыть ихъ. Вы теперь всецѣло принадле-

жите нашему обществу. Я васъ вырвалъ изъ купеческой среды и сдѣлалъ своею женою. Скажите, неужели я вамъ по своему положенію не могу замѣнить карету?

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Ахъ, Боже мой! Да чтожъ, на себѣ вы меня возить будете, что-ли?

КОСМАТИНЪ.

Глушья, необдуманная слова! Мой другъ, пойми одно: теперь люди нашего сословія всѣ сокращаются, а въ ширь лѣзутъ только купцы. Теперь вонъ и гвардейскіе офицеры пьютъ по рестораномъ и у Излера пиво, тогда какъ прежде пили одно шампанское... Конечно, они стараются сѣсть гдѣ нибудь въ уголокъ, въ отдѣльную комнату... Это духъ времени. Всѣ сознали, что нужно сдерживаться и копить. Должны и мы копить. Пойми, мой другъ, что у насъ могутъ быть дѣти. Для этихъ будущихъ невинныхъ созданій я и положилъ себѣ за правило сокращать расходы. И такъ мы продаемъ карету и лошадей...

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Господи, что-же это такое! (*Закрываетъ глаза платкомъ*).

КОСМАТИНЪ.

Кромѣ того... ты знаешь, что я нынче лѣтомъ оклѣбилъ нашъ дровяной сарай обоями, поставилъ чугунокъ, сдѣ-

лалъ два окна и теперь изъ этого сарая образовалась недурная квартирка, о двухъ комнатахъ, за которую мнѣ одно небогатое семейство платитъ двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. Тамъ сырость, дуетъ въ полъ и то двадцать пять рублей. А что ежели мы отъ своей квартиры отдѣлимъ двѣ комнаты и присоединимъ ихъ къ сосѣдней квартирѣ? Вѣдь тогда, по нынѣшнимъ цѣнамъ, мы за нее можемъ взять не 900 руб., а 1500 рублей. Поняла?

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Это вы хотите отнять у меня кабинетъ и маленькую гостиную? Ни въ жизнь!... Ни за какія деньги!.. Ни за что на свѣтѣ!.. (*плачетъ*).

КОСМАТИНЪ (*вскакивая*).

Это наконецъ несносно! Пойми, что я на это рѣшился и что рѣшеніе мое — законъ. Все, что я сказалъ, будетъ исполнено! Мнѣ нужны деньги, чтобъ поскорѣй довести вновь строящійся флигель подъ крышу и заложить его.

АГНІЯ ПАВЛОВНА (*плача*).

Такъ наложите на жильцовъ, а то вдругъ жену свою тиранить.

КОСМАТИНЪ.

Наложилъ и наложу еще. То само по себѣ, а это само по себѣ. Съ лошадьми, каретою и квартирой бу-

детъ поступлено такъ, какъ я сказалъ. Я думалъ, что съ вами можно честию говорить, а оказывается что нельзя. Идите въ вашу комнату и плачьте тамъ сколько хотите, а меня оставьте въ покоѣ; мнѣ нужно заниматься важными дѣлами, о которыхъ вы не имѣете понятія.

АГНІЯ ПАВЛОВНА (*встаетъ и идетъ къ дверямъ*).

Мало того, я уйду къ папенькѣ и буду просить его, чтобъ онъ спасъ меня отъ тиранства!

КОСМАТИНЪ.

Не уйдете! А ежели и уйдете, такъ вашъ папенька приведетъ васъ ко мнѣ обратно.

(*Агнія Павловна уходитъ на лѣво.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

КОСМАТИНЪ (*одинъ*).

Это истинное наказаніе! какъ будто я не хозяинъ въ своемъ домѣ! Каждый день непріятности! Каждый день! Особливо нынѣшній мѣсяцъ задался! То по службѣ непріятности, то по дому, то по клубу, а теперь, извольте видѣть, и по семейству. Первое по службѣ. Ждалъ нынче чинъ—не получилъ. Второе по дому. Два раза изъ-за этого дома у мирового былъ. Первый

разъ по поводу неосвѣщенія лѣстницъ, оштрафовали; потомъ зачѣмъ выкинулъ на дворъ мебелишку жилицы. Да какже не выкидывать мебель, ежели жилецъ и за квартиру не платитъ и съ квартиры не съѣзжаетъ.— Вѣдь домъ не богадельня. Помойная яма была устроена на заднемъ дворѣ подъ окнами, приказали снести и стоило это тридцать руб. Кажется для небогатаго жильца это первое удобство, потому что отворай форточку и выбрасывай въ нее что хочешь, такъ нѣтъ,— говорятъ, что міазмы... и слово-то какое придумали! А теперь эта карбалева кислота... Извольте опрыскивать ею каждый уголь, каждый чуланъ. И чего это стоитъ? По неволѣ приходится экономить и, какъ говорится, на обу-хѣ рожь молотить. Иногда и противъ совѣсти, чувствуешь, что и самъ несправедливъ, а человѣка прижимаешь, утягиваешь у него слѣдующія ему деньги, такъ сказать, ужиливаешь.

ЯВЛЕНІЕ III.

КОСМАТИНЪ И ЛУЧАЕВЪ.

ЛУЧАЕВЪ (*входя въ среднюю дверь*).

Здравствуй, Аркадій Ивановичъ! А я заѣхалъ къ тебѣ, чтобъ сообщить пренепріятную для тебя новость. Будь твердъ и выслушай!

КОСМАТИНЪ.

Еще непріятная новость! Ахъ ты, Господи! Да это житѣя нѣтъ! Акціи какія нибудь упали, что-ли? Говори пожалуйста, не мучь.

ЛУЧАЕВЪ.

Что акціи! хуже... Покажись-ка, покажись-ка (*пристально смотритъ на него*). То-есть двѣ капли воды—ты... вылитый... тѣже бакенбарды, тотъ-же носъ, таже лысина. Однимъ словомъ портретъ. Вотъ удачно-то схатилъ, ха, ха, ха.

КОСМАТИНЪ.

Послушай, что-же ты смѣешься? Говори скорѣй... Вѣдь это съ человѣкомъ ударъ можетъ случиться, аневризмъ, разрывъ сердца. Въ каррикатуру попалъ я, что-ли? Въ „Будильникъ“? въ „Маляръ“?

ЛУЧАЕВЪ.

Хуже и хуже... ха, ха, ха... (*покатывается со смѣху*).

КОСМАТИНЪ.

Степанъ Степанычъ, да будешь-ли ты наконецъ говорить? Вѣдь это неблагородно терзать человѣка.

ЛУЧАЕВЪ.

Попалъ, братъ, ты не въ каррикатуру, а прямо на циркульную вывѣску.

КОСМАТИНЪ.

Что ты говоришь? Какъ на цирульную вывѣску? Этого быть не можетъ. Ты шутишь?

ЛУЧАЕВЪ.

Въ томъ-то и дѣло, что не шучу. Вѣдь одна сторона твоего дома выходитъ въ переулокъ. Такъ въ этомъ переулкѣ, пройдя три дома отъ твоего, есть цирульня.

КОСМАТИНЪ.

Знаю, знаю. Господи, предчувствую.. Ну?

ЛУЧАЕВЪ.

Такъ на этой цирульнѣ, на дверяхъ повѣшены новыя вывѣски. Съ одной стороны нарисована банка съ шпавками и написано: здѣсь дергаютъ кровь и отворяютъ, то есть... тьфу! Здѣсь дергаютъ зубы и отворяютъ кровь. А съ другой стороны изображенъ твой портретъ и рука съ бритвой, собирающаяся тебя брить.

КОСМАТИНЪ.

Господи, только этаго не доставало! (*хватаетъ себя за голову и опускается въ кресло*).

ЛУЧАЕВЪ.

И ежели-бы ты зналъ, какой схожій портретъ! Кто только немного тебя знаетъ — сейчасъ скажетъ, что это ты.

КОСМАТИНЪ.

Да будетъ тебѣ! Оставь! Ну, чему ты радуешься? Вѣдь это несчастіе ближняго! Дай мнѣ пожалуйста ста-

канъ воды. Я боюсь уронить графинъ. У меня руки, ноги дрожать.

ЛУЧАЕВЪ.

Изволь. (*Наливаетъ стаканъ воды и подаетъ Косматину.*) То-есть ежели-бы ты видѣлъ какое поразительное сходство.

КОСМАТИНЪ (*пьетъ воду*).

Да брось! Ну, что одно заладилъ. Вотъ тебя въ клубъ называютъ вмѣсто Степана Степаныча — Стаканомъ Стаканычемъ. Пріятно тебѣ будетъ, ежели я къ каждому слову буду тебѣ твердить: Стаканъ Стаканычъ! Стаканъ Стаканычъ! (*Всплескиваетъ руками*). Боже мой, это истинное несчастіе! (*помолчавъ*). Теперь я понимаю, почему меня и чиномъ обошли. Подумаешь, какой нибудь маляришка съ цирюльничешкой и тѣ могутъ подставить тебѣ ногу въ служебной карьерѣ.

ЛУЧАЕВЪ.

Послушай... Кто-же это наконецъ? Кто-же это вздумалъ помѣстить твой портретъ на цирюльную вывѣску? Я думаю, что не заказалъ-ли кто нибудь изъ твоихъ сослуживцевъ? Вѣдь у тебя враговъ много.

КОСМАТИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не они. Зачѣмъ напраслина. Я догадываюсь... Даже навѣрно знаю кто... Садись и слушай..

ЛУЧАЕВЪ *(садится и пристально смотритъ на Косматина).*

Тѣже бакенбарды, таже лысина.

КОСМАТИНЪ.

Степанъ Степанычъ!

ЛУЧАЕВЪ.

Молчу, молчу!..

КОСМАТИНЪ.

Заказалъ я художнику Посвистову написать мой портретъ и условился заплатить ему сто двадцать пять рублей... пятнадцать рублей задатку даль... Нѣтъ, я не могу сидя рассказывать.. Встанемъ. То-есть вѣришь: вся кровь къ головѣ приливаетъ. *(Встаютъ.)* Ну-съ, заказалъ... Портретъ готовъ. И скажу тебѣ по совѣсти, чрезвычайно было мнѣ жалко отдавать за него сто двадцать пять рублей... къ тому-же и портретъ былъ не совсѣмъ похожъ. Старѣе онъ меня сдѣлалъ.

ЛУЧАЕВЪ.

Не правда, я видѣлъ на вывѣскѣ. Двѣ капли воды.

КОСМАТИНЪ.

Ахъ, Боже мой!

ЛУЧАЕВЪ.

Продолжай, продолжай! Я буду молчать...

КОСМАТИНЪ.

Однимъ словомъ—мнѣ было жалко денегъ... Нынче все такъ дорого. За одни дрова вонъ дерутъ по шести рублей... Да и за что, спрашивается? Много-ли на этотъ портретъ у него матеріалу пошло? Самые пустяки. Работалъ онъ его всего недѣлю. Семь дней. Ну по два рубля въ день, ну, по три... двадцать одинъ рубль... Я же ему предложилъ всего съ задаткомъ сорокъ рублей... разкричался, вспылить,—не беретъ. Сталъ я его увѣрять, что портретъ не похожъ, что кромѣ меня, ему никто за него и пяти рублей не дастъ, что ему, небогатому молодому человѣку, и сорокъ рублей деньги хорошія. Однимъ словомъ говорилъ съ нимъ какъ отецъ съ сыномъ—ничего не помогло, не взялъ. Вы, говорить, черезъ недѣлю въ пятеро за него заплотите. Теперь онъ стачался съ парикмахеромъ и вотъ я на позорищѣ, на цирульной вывѣскѣ.

ЛУЧАЕВЪ.

Самъ виновать, самъ. Теперь кто изъ твоихъ знакомыхъ пройдетъ или проѣдетъ по переулку, взглянетъ на вывѣску: ба! Косматинъ! Пойдетъ молва по клубу, по биржѣ.

КОСМАТИНЪ.

Степанъ Степанычъ, голубчикъ, не говори! Въ глазахъ темнѣетъ... (*Опускается въ кресло.*) И это называются благородные молодые люди! Молодое поко-

лѣніе! За нихъ заступается литература! Ихъ выводятъ какъ образцы благородства на сцену! Боже мой, до чего мы дожили! (*Хватается за голову.*)

ЛУЧАЕВЪ.

А все твоя жадность! Ты вонъ и въ клубъ никогда не поставишь бутылки шампанскаго, а все наровишь на узелки выиграть, да еще и свой собственный платокъ съ узелками-то пустишь.

КОСМАТИНЪ.

Степанъ Степанычъ, это ужъ дерзость! Я просто экономенъ, потому что человѣкъ семейный. Тебѣ можно мотать деньги, коли ты человѣкъ холостой, и директоръ акціонерной компаніи... въ кассѣ-то вѣдь своя рука владыка!

ЛУЧАЕВЪ.

А это ужъ больше чѣмъ дерзость! Ты меня называешь прямо воромъ. Да, наконецъ, у насъ бываетъ ревизія...

КОСМАТИНЪ.

Э, Стаканъ Стаканычъ, полно! Хорошій обѣдъ съ тонкими винами подъ часъ въ лучшемъ видѣ отведетъ у ревизіи глаза и заткнетъ ей ротъ.

ЛУЧАЕВЪ (*смѣясь*).

Ахъ, какъ похожъ твой портретъ на вѣвѣскѣ, бакенбарды, лысина!..

КОСМАТИНЪ.

Ну, полно!.. Полно! Я молчу, молчу! Господи, что-же это такое? За что такое несчастье? Лучаевъ, Степанъ Степанычъ, ты былъ всегда моимъ искреннимъ другомъ. (*Обнимаетъ и цѣлуетъ его.*) Воскреси ты меня изъ мертвыхъ, посоветуй, что мнѣ теперь дѣлать?

ЛУЧАЕВЪ.

Что дѣлать? Откупаться нужно. У художника надо купить портретъ, а у парикмахера вывѣску.

КОСМАТИНЪ.

Да вѣдь заломятъ... предчувствую, что заломятъ страшную сумму. Нельзя ихъ къ мировому?

ЛУЧАЕВЪ.

Къ мировому нельзя. Тутъ нѣтъ ничего противузаконнаго. Отзовутся, что на вывѣскѣ случайное сходство и больше ничего. Да къ тому-же, ежели-бы было и можно, такъ что за радость? Вѣдь дѣло будетъ разбираться гласно, да пожалуй еще, чего добраго, ктонибудь и въ газетахъ это разбирательство напечатаетъ.

КОСМАТИНЪ.

Ужасное, безвыходное положеніе!

ЛУЧАЕВЪ.

Вотъ что. Пойдемъ сейчасъ въ эту парикмахерскую

и переговоримъ съ хозяиномъ. Ну, дать ему это, полтора ста рублей, чтобъ снялъ онъ эту вѣвѣску. Медлить нечего. По переулку могутъ проходить твои знакомые, одинъ день — и весь городъ узнаетъ. Пойдемъ!

КОСМАТИНЪ.

Другъ мой, это выше моихъ силъ. Я какъ дойду до парикмахерской, увижу эту вѣвѣску и мое позорище, и упаду въ обморокъ. Вѣдь у меня жена, могутъ быть дѣти.

ЛУЧАЕВЪ.

Ну, такъ пошли за этимъ парикмахеромъ своего человѣка.

КОСМАТИНЪ.

Степанъ Степанычъ, да ты на смѣхъ, что ли? Намъ нужно все это скрывать отъ людей, а тутъ онъ пойдетъ въ парикмахерскую и первое, что ему бросится въ глаза — это вѣвѣска. Послушай, будь другомъ — сходи ты самъ и позови его сюда. Тутъ ничего нѣтъ неприличнаго. Будто мимоходомъ. Голубчикъ, сдѣлай это для меня.

ЛУЧАЕВЪ (*беретъ шляпу*).

Изволь...

КОСМАТИНЪ.

Только объ вѣвѣскѣ смотри ни слова. Я ужъ самъ здѣсь поведу объ ней разговоръ, и поведу обинякомъ,

чтобы онъ не заломилъ за нее большихъ денегъ. Вѣдь это народъ хитрый и алчный.

ЛУЧАЕВЪ.

Что-же мнѣ сказать-то?

КОСМАТИНЪ.

Ты скажи, что вотъ господинъ Косматинъ просить придти побрить себя. Только потребуй непременно самаго хозяина. Нужно, молъ, каждый день его брить, такъ чтобъ насчетъ мѣсячной платы условиться... Понялъ?

ЛУЧАЕВЪ.

Понялъ. До свиданія! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

КОСМАТИНЪ и ПОТОМЪ АРДАЛІОНЪ.

КОСМАТИНЪ.

Вотъ положеніе то! Приходится передъ послѣднимъ циркульникомъ унижаться и у него заискивать. Каково это для гордости Косматова? Ахъ Боже мой! Бывали со мной несчастія, бывали безвыходныя положенія, а такого позору, какъ сегодня, никогда я на себѣ не испытывалъ. Что теперь дѣлать? Нужно стараться, чтобъ по крайней мѣрѣ домашніе не видали этой вы-

вѣски. Ахъ создатель! Вѣдь вотъ несчастіе-то: кажется жена посылаетъ въ эту парикмахерскую завивать свои шиньоны. Какъ бы это отклонить? Что придумать! (*Въ раздумьи ходитъ по комнатѣ. — Входитъ Ардальонъ съ перьями для опахиванія пыли въ рукахъ*). Что тебѣ? Что ты шляешься? Не дадите дѣломъ заняться!

АРДАЛЬОНЪ.

Я насчетъ портретовъ-съ.

КОСМАТИНЪ (*вздрагивая*).

Насчетъ какихъ портретовъ? Что за портреты? (*Наступаетъ на Ардальона. Тотъ пятится*). Нѣтъ, ужь ежели началъ, такъ говори, говори... Я тебя такъ не выпущу!... (*Хватаетъ его за локоть*).

АРДАЛЬОНЪ (*указывая на портреты на стѣнѣ*).

Пыль съ портретовъ смахнуть. Вишь сколько насѣло.

КОСМАТИНЪ.

Дуракъ! Пугаешь только...

АРДАЛЬОНЪ (*смытая пыль*).

Что это съ нимъ сегодня? Какъ цѣпной песъ бросается...

КОСМАТИНЪ.

Портретъ! Вѣдь слово-то какое противное! (*Ходитъ въ раздумьи по комнатѣ*). Ардальонъ, ты самъ брѣешься?

АРДАЛЬОНЪ.

Нѣтъ-съ, гдѣ намъ самимъ! Въ цирюльню, въ переулокъ бѣгаю. За три копейки въ отличномъ видѣ брѣютъ.

КОСМАТИНЪ (*про себя*).

Такъ и есть, и этотъ туда-же бѣгаетъ! Ахъ, Боже мой! Боже мой! Нужно и его отклонить какънибудь отъ этого. (*Ардальону*). Когда ты былъ въ этой цирюльнѣ?

АРДАЛЬОНЪ.

Третьяго дня былъ, да вотъ сегодня придется бѣжать.

КОСМАТИНЪ.

Не смѣй! И думать не смѣй! Я запрещаю тебѣ ходить въ эту цирюльню... Понялъ? Какъ узнаю, что ты тамъ былъ—разсчесть и въ шею!

АРДАЛЬОНЪ.

Помилуйте, Аркадій Ивановичъ, да гдѣ-же я бриться-то буду? у насъ по близости другой цирюльни нѣтъ

КОСМАТИНЪ.

Отрости бороду; въ твои лѣта это очень прилично. Или нѣтъ! Что я! Ты долженъ самъ бриться. Я тебѣ и бритвы подарю, хорошія англійскія бритвы. Я за нихъ пять рублей заплатилъ. Вотъ тебѣ: возьми. (*Беретъ со стола футляръ и подаетъ Ардальону.*)

АРДАЛЬОНЪ (*взявъ футляръ*).

За бритвы покорнѣйше благодарю, только я самъ бриться не умѣю. Никогда не пробоваль.

КОСМАТИНЪ.

Приучись. Это тебѣ даже составитъ нѣкоторую экономію. Ну, обрѣжешься разъ пять, шесть... Что за важность! А въ цирюльню ходить и думать не смѣй! Я не хочу! Я не желаю! (*Топаетъ ногами.*) Слышишь?

АРДАЛЬОНЪ.

Слышу-сь. (*Про себя.*) Экъ его коробить!

КОСМАТИНЪ (*про себя*).

Ба! Счастливая мысль! (*Ардальону сдержанно*). Поди сюда. Я потому не желаю, чтобы ты ходилъ въ эту цирюльню, что сейчасъ я узналъ, что тамъ оспа. Сейчасъ я узналъ, что вчера одинъ изъ подмастерьевъ этой цирюльни заболѣлъ оспою, знаешь какъ эта болѣзнь прилипчива и смертельна! Ты можешь заразиться тамъ этою злокачественною эпидеміей, заразить меня и наконецъ весь домъ. Тогда всѣмъ смерть! Понялъ?

АРДАЛЬОНЪ.

Понялъ-съ.

КОСМАТИНЪ.

Ну, теперь ступай и позови ко мнѣ Агнію Павловну.

АРДАЛЬОНЪ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

КОСМАТИНЪ, ПОТОМЪ АГНІЯ ПАВЛОВНА.

КОСМАТИНЪ.

Одного уломалъ! Кажется онъ ничего не знаетъ о новой вывѣскѣ... А хорошо я его пронялъ этой оспой. Испугался. Смертью-то кого хочешь испугаешь. Ну, теперь нужно за жену приниматься. Ее я другимъ запугаю.

АГНІЯ ПАВЛОВНА (*входя*).

Вы звали меня, Аркадій Ивановичъ! Что вамъ угодно? вѣрно опять какая нибудь экономія?

КОСМАТИНЪ.

Нѣтъ, мой другъ. Какая экономія! Совсѣмъ другое. Присядь и выслушай. Я хочу предупредить тебя о двухъ вещахъ. Первое, чтобъ ты не отдавала своихъ шиньоновъ завивать въ эту парикмахерскую, что находится у насъ въ переулкѣ, а второе, чтобъ и сама не ѣздила по этому переулку.

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Это еще отчего? Тамъ такъ хорошо завиваютъ: вѣдь сами же вы запретили отдавать ихъ французу, потому что тамъ дорого берутъ.

КОСМАТИНЪ.

А теперь я тебя хочу просить, чтобы ты именно отдавала ихъ французу. Видишь-ли въ чемъ дѣло? У этаго парикмахера, что живетъ въ перелукѣ, появились грегорины. Ты знаешь что такое грегорины?

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Нѣтъ.

КОСМАТИНЪ.

Это такія мелкія, можно сказать, микроскопическія животныя, которыя заводятся въ мертвыхъ волосахъ. Напримѣръ въ парикахъ, въ шиньонахъ... Объ этомъ и писано было. Я тебѣ дамъ прочитать.

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Стоитъ читать объ этой гадости! Фи!

КОСМАТИНЪ.

Страшная гадость! Такъ смотри-же остерегайся и не посылай въ эту парикмахерскую. Кромѣ того, я бы желалъ, чтобы ты и не ѣздила мимо этой парикмахерской. Она помѣщается въ такомъ отвратительномъ, мерзкомъ переулкѣ.

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Этаго нельзя сдѣлать. Это ближайшая дорога, когда я ѣду къ паперѣкѣ.

КОСМАТИНЪ.

Ты можешь въ объѣздъ, по другой улицѣ. Видишь ли въ чемъ дѣло. Вчера я проѣзжалъ по этому переулку и видѣлъ, что тамъ на заборѣ дровянаго двора написаны удивительно неприличныя слова. Охраняя твое нравственное чувство, я совѣтую, даже запрещаю тебѣ ѣздить по этому переулку. (*Всторону.*) Кажется хорошо вывернулся.

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Аркадій Ивановичъ, какія-же это такія неприличныя слова? Скажите?

КОСМАТИНЪ.

Нельзя, мой другъ, нельзя... У меня языкъ не повернется произнести ихъ.

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Скажите...

КОСМАТИНЪ.

Агнія Павловна, ты требуешь невозможнаго!

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Ну, коли такъ, такъ я сама узнаю. Или горничную пошлю, чтобъ она прочитала, или сама пойду.

КОСМАТИНЪ.

И думать объ этомъ не смѣй! (*Про себя.*) Вотъ попался-то. Затронулъ женское любопытство! Теперь непременно поѣдетъ. (*Агнии Павловнѣ.*) А грегорины? Развѣ ты не боишься ихъ? Вѣдь онѣ такъ на тебя и набросятся! Вѣдь ихъ тамъ милліоны! (*Входитъ Лучаевъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ И ЛУЧАЕВЪ.

ЛУЧАЕВЪ (*пожимая руку Косматину*).

Сейчасъ придетъ! (*раскланиваясь съ Агніей Павловной*). Вы съ каждымъ днемъ хорошѣете болѣе и болѣе...

КОСМАТИНЪ.

А мы вотъ разговариваемъ о грегориныхъ. До какой степени это страшныя, прожорливыя животныя.

ЛУЧАЕВЪ (*недоумывая*).

Ужасъ, сударыня! ужасъ! Но за то какъ вкусны! Восторгъ! Вчера я шелъ мимо милютиныхъ лавокъ, такъ вотъ какія крупныя на окошкѣ выложены...

КОСМАТИНЪ (*Лучаеву*).

Опомнись, Степанъ Степанычъ! Что ты врешь! Гдѣ

это видано, чтобъ грегорины въ милютинахъ лавкахъ выставлялись? Это новооткрытыя животныя, которыя заводятся въ шиньонахъ.

ЛУЧАЕВЪ.

Боже мой! А я думалъ, что вы про гомаровъ говорите! Вотъ недоразумѣнiе-то! Впрочемъ, я и про тѣхъ знаю! Страхъ какія свирѣпыя животныя! какъ крокодилы! Одну купчиху изъ Ямской такъ всю до тла съѣли.

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Ахъ, Степанъ Степанычъ, не пугайте меня пожалуйста Я и такъ всего боюсь.

КОСМАТИНЪ.

Главное, не нужно ѣздить по этому прокаженному переулку. Мой другъ, я бы попросилъ тебя оставить меня на единѣ съ Степаномъ Степанычемъ. Мнѣ нужно переговорить съ нимъ объ очень важномъ денежномъ дѣлѣ...

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

Оставайтесь... (*Встаетъ съ мѣста и уходитъ въ дверь на лѣво*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

КОСМАТИНЪ, ЛУЧАЕВЪ и ПОТОМЪ ДЕНИСОВЪ.

КОСМАТИНЪ.

Ну что? Видѣлъ самаго хозяина? Не подозрѣваетъ онъ ничего? Хитрое у него лицо?

ЛУЧАЕВЪ.

Не скажу. Даже отчасти глупое, ежели хочешь. Да онъ сейчасъ придетъ. (*Увидя входящаго Денисова*) вотъ онъ...

КОСМАТИНЪ.

Прежде всего спокойствіе и благоразуміе! Дѣлать нечего... Приходится и у парикмахера заискивать. (*Денисову.*) Сдѣлайте одолженіе, побрѣйте.

ДЕНИСОВЪ.

Прошу присѣсть. Горячую воду изволите для бритья употреблять, или холодную?

КОСМАТИНЪ (*сидясь въ кресло*).

Холодную. Вонъ тамъ въ графинѣ... Возьмите...

ДЕНИСОВЪ *(накидывая на
Косматина пенъюаръ.)*

А вы сегодня ужъ вѣрно изволили бриться?

КОСМАТИНЪ.

Да, брился, но хочу еще побриться. Это мое первое удовольствіе. Я иногда брѣюсь два, три, даже четыре раза въ день. И знаете, всегда больше самъ; но иногда люблю, чтобъ меня и другіе брили.

ДЕНИСОВЪ *(наливая въ брит-
венную кружку воду и
всплывая мыло).*

Ежели у кого грубая кожа, такъ ничего...

КОСМАТИНЪ.

Нѣтъ, просто изъ удовольствія! И могу вамъ сказать, что я даже очень люблю это ремесло. Препочтенное занятіе. Ежели-бы я не былъ поставленъ на ту дорогу, на которой стою теперь, то непременно открылъ бы парикмахерское заведеніе. *(Про себя).* Чертъ знаетъ, что я говорю! Вотъ положеніе-то. *(Лучаеву.)* Степанъ Степанычъ! ты любишь парикмахерское искусство?

ЛУЧАЕВЪ *(еле удерживаясь
отъ смѣха).*

Восторгъ! Особливо ежели причесывать женщинъ.

ДЕНИСОВЪ (*намыливая Кос-
матину щеки*).

Доложу вамъ, сударь, что наше ремесло сдѣлалось теперь самымъ неблагодарнымъ. Завиваются мало, брѣются еще того меньше, такъ какъ всѣ бороды отросли. Только шиньоны одни и поддерживаютъ.

КОСМАТИНЪ (*про себя*).

Однако пора и къ дѣлу! (*Денисову.*) Я часто проѣзжаю мимо вашей парикмахерской. Отличное заведеніе. Вы, кажется, новую вывѣску сдѣлали?

ДЕНИСОВЪ.

Да, новую-съ. Вывѣску эту мнѣ сдѣлалъ мой крестникъ, художникъ Посвистовъ. Чтожъ дѣлать? Приходится хоть вывѣской заманивать къ себѣ публику.

КОСМАТИНЪ.

Вывѣску вашу я не одобряю. Конечно, мнѣ все равно, но какъ вашъ искренній доброжелатель, советую вамъ снять ее. Изображеніе въ лицахъ своей префессіи нынче не въ модѣ. Смотрите на французовъ парикмахеровъ...

ДЕНИСОВЪ.

Помилуйте, зачѣмъ мы будемъ снимать эту вывѣску, коли она намъ барышъ приносить. Теперь противъ нее всѣ останавливаются, любятъ. Иной смотритъ, смотритъ, да и завернетъ побриться. И не нужно, а

завернеть. Теперь начала даже хорошая публика заѣзжать.

КОСМАТИНЪ (*про себя*).

О Боже мой! Боже мой!

ДЕНИСОВЪ.

Что не порѣзалъ-ли я васъ?

КОСМАТИНЪ.

Нѣтъ, ничего, продолжайте...

ДЕНИСОВЪ.

Зачѣмъ ее снимать? Я даже хочу сдѣлать ее не много посмѣшнѣе. Хочу попросить живописца, чтобы онъ къ носу двѣ піявки придѣлалъ.

КОСМАТИНЪ (*вскакивая съ мѣста*).

Нѣтъ, милостивый государь, это ужь слишкомъ! За это вы жестоко отвѣтите. Годъ въ тюрьмѣ просидите. Даже хуже того...

ЛУЧАЕВЪ.

Аркадій Ивановичъ, успокойся! Ну, что тебѣ за охота изъ-за чужой вывѣски изъ себя выходить? Будь хладнокровнѣе...

КОСМАТИНЪ.

Степанъ Степанычъ, помилуй. Къ носу и вдругъ піявки!... вѣдь послѣ этого и дурацкій колпакъ надѣть могутъ.

ЛУЧАЕВЪ *(тихо Косматину)*.

Прежде всего спокойствіе! *(Вслухъ)*. Садись и продолжай бриться. *(Денисову)*. Бы ужъ извините его. Онъ ужасно какъ раздраженъ сегодня.

КОСМАТИНЪ *(снова садясь въ кресло)*.

Послушайте, господинъ парикмахеръ, снимите эту вывѣску, а я закажу для васъ новую, которая будетъ вдвое лучше. И кромѣ того заплачу вамъ за безпокойство двадцать пять рублей. Я принужденъ ѣздить каждый день мимо вашего заведенія и смотрѣть на эту вывѣску, а смотрѣть на нее безъ содраганія я не могу. У меня жестоко разстроены нервы. Ну, сдѣлайте это для меня. Я дамъ за это даже сорокъ рублей.

ДЕНИСОВЪ.

Мы больше отъ нее выручимъ.

КОСМАТИНЪ.

Неправда. Это скорѣй можетъ отвратить отъ васъ посѣтителей. Что за пріятность смотрѣть на какое-то глупое лицо.

ДЕНИСОВЪ.

Совсѣмъ не глупое, а даже солидное и почтенное. Говорятъ, что это вылитый портретъ одного домовладѣльца. *(Косматинъ вздрагиваетъ)*. Сидите, су-

дарь, смирно, а то я могу обрѣзать васъ. Вы говорите—глупое лицо, а я нахожу, что оно имѣетъ большое сходство съ вами.

КОСМАТИНЪ (вскакивая)..

Какъ вы смѣете, милостивый государь! какъ вы смѣете говорить, что я похожъ на цирюльную вывѣску? Степанъ Степанычъ, прислушай. Ты будешь свидѣтелемъ. Я васъ упеку за это!..

ДЕНИСОВЪ.

Помилуйте, за что-же?.. Тѣже глаза, тѣже бакенбарды...

ЛУЧАЕВЪ.

Ну, не говорилъ-ли я тебѣ, что тѣже бакенбарды, таже лысина?..

КОСМАТИНЪ.

И ты противъ меня? Это ужъ ни на что не похоже... (*Въ волненіи ходитъ по комнатѣ*).

ЛУЧАЕВЪ.

Спокойствіе, мой другъ, спокойствіе... Послушайте, господинъ парикмахеръ, вы не обращайте на него вниманія, это онъ такъ. Онъ и самъ знаетъ, что похожъ на вашу цирюльную вывѣску...

КОСМАТИНЪ.

Степанъ Степанычъ!

ЛУЧАЕВЪ.

Не перебивай! Находить, что похожъ на вывѣску и потому желаетъ ее купить у васъ, сколько вы возьмете?

ДЕНИСОВЪ.

Это нужно сообразить-съ... (*Прикладываетъ ко лбу палецъ. Входитъ Посвистовъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЕ И ПОСВИСТОВЪ.

КОСМАТИНЪ (*увидѣвъ Посвистова*).

Милостивѣйшій государь, мало того, что вы надругались надо мной заочно, вы еще приходите въ мой домъ, чтобы надругаться надо мною лично.

ДЕНИСОВЪ.

А, крестникъ, здравствуй! Вотъ они покупаютъ у меня вывѣску, да не знаю сколько за нее взять...

ПОСВИСТОВЪ.

Берите больше; за такое произведеніе искусства дешево брать не слѣдуетъ.

(*Косматинъ съ сжатыми кулаками порывается къ Посвистову, но Лучаевъ удерживаетъ его*).

ЛУЧАЕВЪ.

Спокойствіе, мой другъ, прежде всего! (*Посвистову*). Прошу покорно садиться... Что вамъ угодно?

ПОСВИСТОВЪ.

Я пришелъ спросить господина Косматина, желаетъ-ли онъ взять свой портретъ, въ противномъ случаѣ, я выставлю его у себя на окошкѣ и сдѣлаю на немъ надпись „незаплочено“. Господинъ Косматинъ знаетъ, что я живу на улицѣ и въ первомъ этажѣ.

КОСМАТИНЪ.

Желаю, желаю. Кромѣ того я желаю, чтобъ вы уговорили вашего крестнаго снять съ его лавки новую вывѣску. Получите сто двадцать пять рублей и пишите росписку.

ПОСВИСТОВЪ.

Сто двадцать пять рублей? Нѣтъ, ужъ теперь не этимъ пахнетъ! За портретъ пять сотъ рублей, а за вывѣску... (*Денисову*). Довольно сто рублей?

ДЕНИСОВЪ.

Маловато, ну, да ужъ пожалуй!

ПОСВИСТОВЪ.

И такъ за два портрета шестьсотъ рублей.

КОСМАТИНЪ.

Молодой человѣкъ, да вы разбойникъ! Вѣдь это годовой доходъ съ квартиры о четырехъ комнатахъ. Возьмите триста рублей и пишите расписку.

ПОСВИСТОВЪ.

Ни копейки меньше... Но чтобы утѣшить васъ я могу вамъ сказать, что изъ пяти сотъ рублей, которые беру съ васъ за портретъ, я оставляю себѣ только сто двадцать пять рублей, остальные-же деньги пойдутъ на доброе дѣло, а именно на вспоможеніе недостаточнымъ художникамъ.

КОСМАТИНЪ.

Благотворить чужими деньгами! А еще говорятъ о благородствѣ молодыхъ людей! Развѣ это благородно?

ПОСВИСТОВЪ.

Можете думать какъ вамъ угодно, а это мое послѣднее слово.

ЛУЧАЕВЪ (*Косматину*).

Соглашайся скорѣй. Художники народъ упрямый. Уйдетъ, такъ послѣ и тысячью не уломаешь.

КОСМАТИНЪ.

А пожертвованіе будетъ отъ моего имени?

ПОСВИСТОВЪ.

Пожалуй хоть и отъ вашего.

КОСМАТИНЪ.

Когда такъ, пишите росписку. (*Достаетъ изъ
стола деньги и отдаетъ ихъ Посвистову*).

ПОСВИСТОВЪ (*Денисову*).

Крестный, вотъ вамъ сто рублей. Идите и снимите
вывѣску. (*Садится за столъ и пишетъ росписку*).

ДЕНИСОВЪ.

Эхъ, крестникъ, а ежели-бы на этой вывѣскѣ да
къ носу пѣявки придѣлать, такъ отъ публики-то отбою
бы не было!

КОСМАТИНЪ.

Цирульникъ, зажди свой ротъ!

ЛУЧАЕВЪ (*Косматину*).

Ну, теперь дѣло кончено. Поздравляю тебя.

КОСМАТИНЪ.

Съ чѣмъ поздравлять-то? Не съ тѣмъ-ли, что
шестьсотъ рублей изъ кармана вылетѣло? (*про себя*).
Дѣлать нечего, теперь придется на жильцовъ еще
небольшую надбавку сдѣлать.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢЖЕ И АГНІЯ ПАВЛОВНА.

АГНІЯ ПАВЛОВНА.

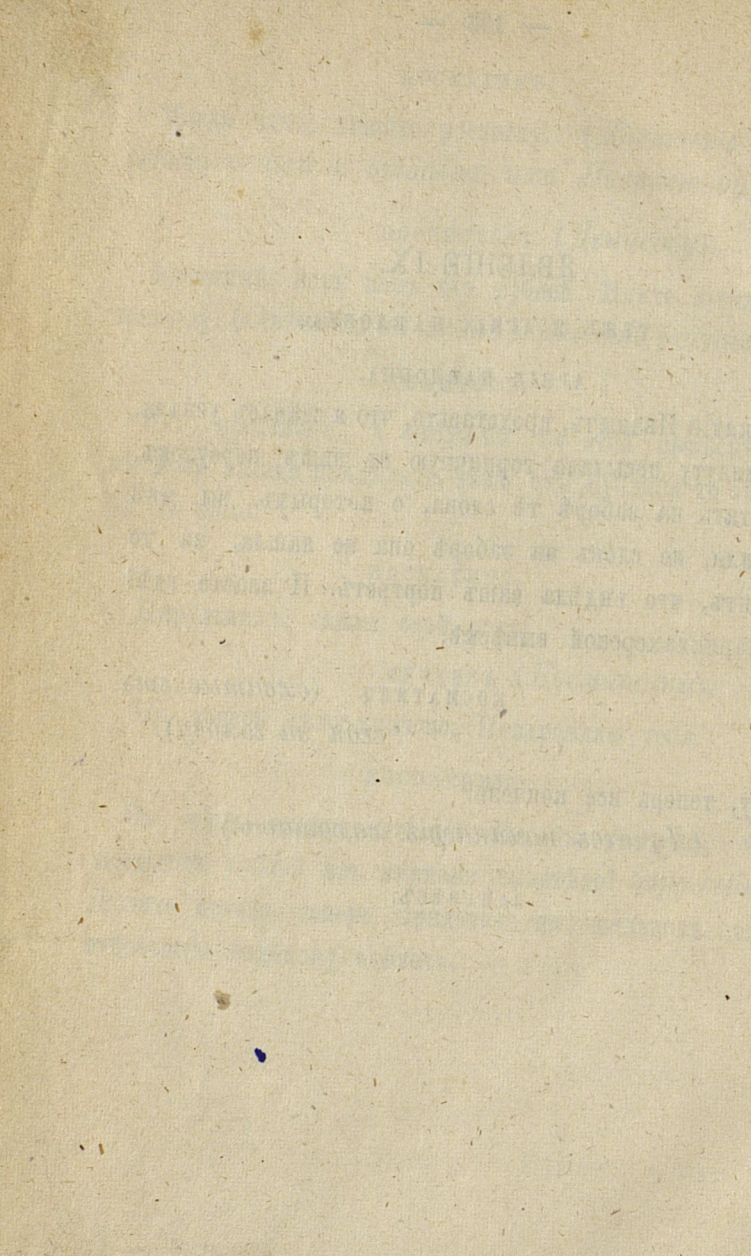
Аркадій Ивановичъ, представьте, что я сейчасъ узнала. Сію минуту послала горничную въ нашъ переулокъ, прочитатъ на заборѣ тѣ слова, о которыхъ вы мнѣ говорили, но словъ на заборѣ она не нашла, за то говоритъ, что видѣла вашъ портретъ. И знаете гдѣ? На парикмахерской вывѣскѣ.

КОСМАТИНЪ *(схватываетъ
себя за голову)*.

Ну, теперь все кончено!

(Лучаевъ начинаетъ хохотать.)

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Митревна, старуха, жила въ экономкахъ. Занимается отдачею жильцамъ угловъ.

Филипъ Михайлычъ, лакей безъ мѣста.

Будкинъ; былъ нѣкогда провинціальнымъ актеромъ.

Арефьичъ, старикъ; живетъ богъ знаетъ чѣмъ.

} Жильцы Митревы.

Наталья Федоровна, племянница Митревы, генеральская горничная.

Андрей Филатычъ, военный писарь.

Митрофанъ Ивановичъ, театральнй сторожъ, кумъ Митревы.

Луша, горничная; живетъ въ одномъ домѣ съ Митревой.

АЛГОРИТМЫ

1. Ввод данных. 2. Проверка условий. 3. Если условие выполнено, то переход к следующему шагу. 4. Если условие не выполнено, то переход к шагу 2. 5. Вывод результата. 6. Конец программы.

2007084410